

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Лев Овалов

...А Славка тем временем бежал. Бежал мимо кустов сирени, мимо берез на обочинах, мимо просветов в листве. И вдруг он почувствовал, что задыхается, что не может больше бежать, ноги налились свинцом. Он сразу понял, что это такое, не почувствовал, а понял, вполне сознательно ощутил — страх. «Я боюсь. Мне не хочется умирать. И маме не хочется умирать. Но она согласна умереть, лишь бы я продолжал жить. А я не смогу жить, если мама умрет из-за меня. Поэтому лучше мне умереть. Хотя это очень страшно. Не видеть неба, не видеть деревьев, не видеть маму».

Он перестал бежать и пошел шагом. Шел, раздумывая обо всем этом, не останавливаясь ни на секунду. Он даже не знает, чего

стоит его смерть, ошибся Быстров или не ошибся, стоило ли рисковать жизнью или не стоило, цена карты никогда не откроется ему, через час его казнят...

**Оперативная
КАРТА**

МУЖЕСТВО

5

честь, отвага, мужество

ЛЕВ ОВАЛОВ

Оперативная к а р т а

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В Л К С М
«М О Л О Д А Я
Г В А Р Д И Я»
1 9 6 7**

Осень в тот год не затянулась, снег выпал в ноябре, лужи вскоре покрыло ледком, и он звонко похрустывал под ногами.

Вера Васильевна собиралась на занятия в школу так же тщательно, как и в Москве, отглаживала блузку и юбку, прихорашивалась, укладывала в сумку учебники и тетради...

Сперва она терялась, не представляла себе, как это она будет преподавать в деревенской школе французский язык... Некрасовских детей, толком не знающих даже родного языка, обучать языку Малерба и Ронсара! В той самой деревне, где книжные шкафы из помещичьих библиотек развезли по избам, а томики в шагреновых переплетах пошвыряли в грязь... Кому нужны в этой дикой суетлоке Малерб и Ронсар?

Однако занятия в деревенской школе шли полным ходом. Подростки самых разных возрастов сидели во всех классах, и одни из них действи-

тельно мечтали о стихах, а другие спасались от воинской повинности...

Старший сын Веры Васильевны Слава учился в предпоследнем классе, последнего не существовало, по возрасту нашлись бы ученики и для последнего, но учителям не хотелось выпускать недоучек.

Московский гимназист привыкал к деревенской школе. Вероятно, о петровских реформах и перекрестном опылении в Москве можно было получить более обстоятельные сведения, но зато здесь самая доподлинная суровая действительность врывается в жизнь на каждом шагу.

Ученики в школе меньше всего говорили об уроках. Мужички загодя готовились к весне. Революция революцией, а пить-есть тоже надо, рабочему классу, оно конечно, требуется помощь, однако хлебушко тоже невредно припрятать, особенно покуда еще он не смолот, — обвести вокруг пальца пришедший в село продотряд не так-то просто...

Сам Славка пока что придерживался нейтралитета.

Конечно, хлеб всем нужен, но он то и дело слышал причитанья Павла Федоровича Астахова, брата ушедшего в Красную Армию отчима, и других мужиков: «Как бы самим не положить зубы на полку».

Поэтому на первых порах мальчик дружил только с двумя существами — с Федосеем и Бобиком. Бобка хоть и дворянка, но отличный сторожевой пес, он признавал лишь одного хозяина, Павла Федоровича, и вдруг мальчик его завоевал. Павел Федорович не позволял кормить Бобку досыта — «голодный пес злее», — и мальчик тайком таскал для него хлеб и

кости. Наконец пес снизошел к мальчику, стал позволять ему привязывать и отвязывать себя и даже тискать зубастую морду.

Федосей, работник Астахова, хлеба ел досыта, но Славка, кажется, оказался первым человеком, который принялся рассуждать с ним об отвлеченных материях. Федосею приказывали, покрикивали на него, срывали на нем зло, а Славка, например, вздумал ему объяснять, что это уж, мол, так спокон веков заведено, что музы молчат, когда гремят пушки. Мальчик пересказывал Федосею прочтенные книги, и тот искренне удивлялся всяким необыкновенным историям и еще больше тому, как это столько можно прочесть, и Славке это льстило еще больше, чем Федосею внимание образованного мальчика.

Сперва все мужики казались Славке на одно лицо. Заскорузлые, в одинаковых рыжих или коричневых зипунах, с бедным набором слов, с мелочными интересами. Однако своих одноклассников Славка различал очень хорошо, а ведь они были дети своих отцов, и так, постепенно он начал различать и отцов, постепенно одно общее лицо преобразилось для него в сотни разных неповторимых лиц.

Но за книгами Слава Ознобишин охотился еще больше, чем за впечатлениями окружающей его жизни. Он услышал о народном доме и сделался его постоянным посетителем.

Успенский народный дом для краткости именовали народом, так решением волисполкома переименовали дом помещика Светлова, бросившего свое обиталище на произвол судьбы в первые дни революции.

Заведовать народом поручили бывшему питерскому адвокату Виктору Владимировичу Андриевскому, бежавшему, наоборот, из Петрограда в Успенское.

В народе проводились всевозможные собрания, устраивались спектакли, там была библиотека, и он стал излюбленным местом окрестной интеллигенции и молодежи. И если где-то в мире происходили невероятные события, то в Успенском каждый последующий день в общем-то напоминал предыдущий, в школе по утрам шли размеренным ходом занятия, в народе по вечерам устраивались танцы, и казалось, ничто не способно возмутить мирное течение обычной сельской жизни. Но так было до одного памятного дня.

Преподаватель литературы, он же директор школы, Иван Тихонович Демьянов, местный уроженец, вернувшийся после революции в родные места, задал как-то своим ученикам урок — выучить наизусть по стихотворению.

— Выучить, господа-товарищи, к пятнице по стихотворению. По вашему вольному выбору. Но тема, конечно, русский народ. Судьба, так сказать, народа. Понятно? Посмотрим, как вы усвоили литературу. Будем считать это устным экзаменом для перехода в следующий класс...

Итак, к пятнице все зубрили стихи.

Иван Тихонович уселся за стол, раскрыл школьный журнал, и... пошло!

«Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат», «Вырыта заступом яма глубокая, жизнь бесприютная, жизнь одинокая», «Выдь на Волгу, чей стон раздается»...

Чтецы постанывали, Иван Тихонович удовлетворенно улыбался и то и дело провозглашал:

— Отлично! Хорошо! Четыре! Пять!

Пока не дошла очередь до Ознобишина.

Тут никто в успехе не сомневался, Славка по литературе успевал лучше всех и вдруг... начал читать такие стихи, которые не только весь класс, но и самого Ивана Тихоновича привели в полное недоумение.

— Это что же за стихи? — внезапно прервал учитель ученика.

— Блок, — ответил ученик. — Александр Блок.

— Слышал о таком, — сказал учитель. — А все-таки?

— «Двенадцать».

— Это не стихи, а декадентство, — сказал учитель. — Слышали такое слово? Декаданс. Упадок. Французская болезнь... При чем здесь Россия?

Иван Тихонович обратился за поддержкой к классу:

— Пусть тот, кто понял стихи, поднимет руку.

Разумеется, руки не поднял никто.

Вне себя от обиды, Славка махнул рукой и выбежал прочь из класса.

Прямым ходом помчался он из школы в народ и рассказал Андриевскому об инциденте. Того это позабавило, и, в свою очередь, он в тот же самый день позабавил рассказом об этом происшествии самого Быстрова.

А Быстров вдруг вызвал Ознобишина к себе...

Сам Степан Кузьмич Быстров, глава местных коммунистов и гроза кулаков и помещиков!

— А ну, а ну! — сказал он смущенному мальчи-

ку. — Что там за стихи, которыми ты взбудоражил всю школу?

На этот раз Славка прочел Блока Быстрову...

И кто бы мог подумать, что именно Александр Блок дал тринадцатилетнему школьнику Вячеславу Ознобишину рекомендацию для вступления в Российский Коммунистический Союз Молодежи!

Трудно сказать, что понял, и понял ли вообще Быстров поэму, но слова о том, что

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем...

не могли не покорить Быстрова своей ясностью и категоричностью.

— Мне давно уже нужен такой парень, — заверил он Ознобишина. — Организуй-ка ты мне в коммунистический союз учащихся, давно пора объединить нашу молодежь на подвиги во имя Советской власти.

Славка не знал ни что ответить, ни что сделать для того, чтобы объединить молодежь на подвиги...

— Да кто пойдет? — неуверенно произнес он. — Кто меня послушает?..

— А ты не робей, или забыл, что сказал? — решительно объявил Быстров. — Революционный держите шаг!

...Славка вышел из исполкома с бумажкой, написанной витиеватым писарским почерком:

«Циркулярно. Всем сельсоветам... Предлагается с получением сего выслать двух делегатов в возрасте от 13 до 18 лет в воскресенье 11 мая 1919 года в по-

мещение Успенской трудовой школы к 10 час. утра с продуктами питания лично для себя на весь день...»

И 11 мая 1919 года произошло первое собрание молодежи, где провели запись всех желающих вступить в Коммунистический союз молодежи и на котором по предложению Успенского волкома РКП(большевики) товарища Ознобишина избрали секретарем волостной комсомольской организации.

2

Великие события часто начинаются со слухов, а то и так, с пустых разговоров. На что уж событие — отступление Красной Армии и приход белогвардейцев, а ведь слухам никто не верил до тех пор, пока не произошло само событие, да и оно-то произошло как-то так маловероятно и невыразительно, будто это не событие, а просто малозначительный эпизод обычного будничного существования.

Проскользнули какие-то сообщения в газетах, да и газеты-то поступали нерегулярно, точно они существовали сами по себе, а Успенское само по себе, доходили какие-то слухи, некоторые люди определенно утверждали, что Деникин вот-вот придет, но шло это все стороной и не имело, так сказать, никакой осязаемости, а ведь русский человек, как известно, не верит словам, ему все надо увидеть, пощупать собственными руками...

До поры до времени занятия в Успенском испол-

коме шли своим чередом, власть подбирала где можно хлеб, хотя и без особого нажима, делила и перedеляла землю, от случая к случаю разбирались какие-то гражданские дела, и только само начальство в исполкоме, увы, редело день ото дня, да еще Быстров становился все мрачнее и мрачнее, точно приближающиеся события отбрасывали на него свою тень...

Однажды под утро Славу точно кто-то толкнул в бок. Он открыл глаза. Никого. Спит младший брат Петя. Спит мама. Петя спит по-мужски, даже по-мужицки, сопит, время от времени похрапывает, лицо сердитое, точно серьезные заботы не оставляют его и во сне. Раннее утро шелестело за окном, и ровное мамино дыхание сливалось с шелестом листвы. Однако ощущение тревоги не проходило. Слава прислушался. Откуда-то доносился скрип телеги, гул голосов. Мальчик соскочил с дивана, надел штаны, рубашку, туфли на веревочной подошве и скользнул в окно.

Возле волисполкома стояло более десяти подвод, мужики и делопроизводители во главе с секретарем исполкома Дмитрием Фомичом Никитиным таскали бумаги, всякие там папки и пачки и бросали их на телеги.

Мальчик встал рядом, хотел спросить Дмитрия Фомича, куда это везут столько бумаг, но тот даже не обратил на него внимания. «Эвакуируются», — вспомнил Слава модное слово и с грустью подумал, что сейчас до него никому нет дела, ему даже эвакуироваться не нужно, настолько он никому не опасен.

Обоз с бумагами тронулся и исчез под горой.

Славе показалось, что его бросили. Оставалось только вернуться домой.

Он пришел, взялся за книгу. Не читалось, а тут еще послышался стук. Стучит-постукивает култыжка дяди Гриши, сторожа волисполкома, он вернулся с войны без ноги. Слышится недовольный голос Павла Федоровича Астахова. Он уже знает об эвакуации, об этом можно судить по его тону. Прежде он заискивал перед дядей Гришей...

Григорий, приложив палец к губам, — тссс! — показал куда-то себе за ухо.

— Что это еще за новости? — недовольно спросил Павел Федорович.

— Мне бы Славу... Вячеслав Николаича, — с усмешечкой произнес Григорий. — Кролики...

— Чего кролики?

— Разбежались. Язви их! Не поймаешь при одной ноге. Помочи прошу у Вячеслав Николаича...

Над Григорием потешались в деревне за то, что он разводил кроликов, кроликов крестьяне равняли с кошками.

Мальчик вострепнулся, отношение сторожа льстило: с того времени, как Слава Ознобишин стал секретарем волостного комитета молодежи, Григорий признавал его за начальство.

Слава опрометью выскочил из дому. Григорий поскрипывал сзади деревянной ногой.

— Да погоди ты, Славка... Дело-то видишь какое...

Слава остановился.

— Степан Кузьмич ждет, приказал звать втихую, в комитет партии созывает.

- Кого, коммунистов?
- Коммунистов, брат, уже нет, молодежь он ждет — вот кого!
- Значит, кролики...
- Какие там кролики!

В помещении волостного комитета находились все комсомольцы, что жили в Успенском. Они, как в школе, аккуратно сидели на скамейках вдоль выбеленных стен. Быстров вошел вслед за Славой, стал у стола, невеселыми глазами посмотрел на комсомольцев.

— Товарищи! — сказал он. — Нам пришлось временно оставить Успенское. Неизвестно, как скоро придут деникинцы, но вы должны быть готовы. Первое ваше испытание в жизни...

«Нет, не те слова, — с горечью подумал Слава. — Надо бы что-нибудь военное. Определенное. Раздать оружие, например...»

В голубых глазах Быстрова отчаяние.

— Мы ушли... — Он поправился: — Уходим... А вы остаетесь...

— Что же нам делать? — спросил Слава.

— Ничего не делать. Вы — дети. — Самое, самое оскорбительное, что он мог сказать! — Вы никому не страшны, будете вести себя разумно, деникинцы не обратят на вас внимания...

«До чего плохо я говорю, — подумал Быстров. — Разве с ними так надо?..» Внезапно лицо его светлеет, голос крепнет, от прежней виноватости, неуверенности нет и следа.

— Но вы — коммунисты. Почти коммунисты. Вы стали коммунистами раньше, чем стали взрослыми.

Поэтому дисциплина, порядок и молчание! Мы хотим вас сохранить, и вы обязаны подчиниться. У коммунистов впереди еще большая дорога...

Все ждали наставления, но он неожиданно оборвал:

— А теперь по домам... — Подошел к каждому и каждому пожал руку. — Расходитесь. По одному. А ты, Слава, задержись.

Степан Кузьмич поплотнее закрыл двери.

— Слушай внимательно. — Глаза у Быстрова голубые и печальные. — Никуда мы не уходим, будем по логам, по задворьям скрываться. Воевать! Тебе — ждать. Все примечать и на ус мотать. — Быстров щипнул мальчика за верхнюю губу. — Усов нет, а все равно наматывай. Поручения будут, а пока — через день за реку, часов около пяти, на опушке, повыше усадьбы Введенского... Веди себя смирно, ни с кем не ссорься. Ваш дом обязательно под постой начальству отведут... Смекнул?

Они сидели в большой пустой комнате. В последний раз. Мальчик и Революционер. Слава на диване, Быстров на столе.

Степан Кузьмич поставил ногу на стул, обнял колено, голос приглушил, точно сказку рассказывает.

— На Озерне, повыше омута, над поповским перекатом, вверх, в березняк, за кустами... Умеешь по-перепелиному? — Он втягивает губы и певуче нащелкивает тонкий перепелиный клич: — Пить-пить-пить! Пить-пить-пить! — Сперва длинное «пить» и затем два коротких.

Славка повторяет, но у него так не получается. За окном раздается тархтенье дрожек.

— Есть кто? — слышится властный голос.

Степан Кузьмич вскочил... Знакомый голос!

Вошел высокий небритый человек в потертой солдатской шинели и черной суконной шапке-ушанке, подбитой заячьим мехом.

Быстров вытянулся.

— Афанасий Петрович?! Здравствуйте, товарищ Шабунин!

— Здравствуйте, Степан Кузьмич... — Приезжий взглядом обвел комнату. — Где же все?

— Нормально, за околицей...

— А это кто?

Шабунин оценивающим взглядом посмотрел на мальчика.

— Руководитель местной коммунистической молодежи.

Шабунин слегка улыбнулся.

— Не мал?

— Мал, да дорог, — серьезно ответил Быстров. — А вы к нам каким образом?

— Поделили уезд и разъехались, хотим знать, что оставляем и что найдем.

В комнате темнеет. На стенах белеют пятна. Плакаты Быстров эвакуировал вместе с бумагами исполкома.

Слава сжался в комок, ему очень хочется остаться. Шабунин опустился на диван, кивнул Быстрову:

— Докладывайте обстановку.

— Документы отправлены под Тулу с секретарем исполкома. Учителя предупреждены, занятий не начинать... Население тоже. В случае, кто подается к деникинцам, ответит по всей строгости...

Шабунин нетерпеливо перебил:

— Ну, а сам, сами? Коммунисты эвакуировались?

Быстров нахмурился.

— Непроявившие себя оставлены по домам.

— А проявившие?

— Собраны в кулак. Отрядик сформировали...

— Что будете делать?

— Появляться то здесь, то там. Советская власть не кончилась. Не давать жизни дезертирам. Нападать на мелкие части противника...

Шабунин пристально посмотрел в окно. Кто-то кричал визгливо, жалобно: то ли кого бьют, то ли оплакивают. Быстров не обращал внимания на крик, и Шабунин отвернулся от окна.

— Уверены, что Советская власть не кончилась?

— Уверен.

— И я уверен.

Славка слушал как завороченный и думал: «Вот что делает людей коммунистами: доверие и уверенность. Доверие и уверенность приносят победу в самых невероятных обстоятельствах...»

Шабунин сжал губы, покачал головой, точно не слышно сказал что-то самому себе, и лишь потом обратился к Быстрову:

— Должен сказать, что положение весьма катастрофическое. -- Сердито посмотрел на Славку, точно тот во всем виноват, и пригрозил ему: — А ты слушай да помалкивай, мы языкастых не любим.

Его учили помалкивать, но лишь много позже узнал он, что не болтать языком и жить молча — совсем неравноценные вещи.

— ...Малоархангельск мы сдадим. Сдадим Ново-

силь. И Орел, вероятно, сдадим. Фронт откатился к Туле. Но Тулу не сдадим. Это не предположение. Так сказал Ленин. Они рвутся к Москве, но мы отбросим их и погоним, и чем меньше перегибов с крестьянами, тем скорее погоним...

Быстров тряхнул головой, льняная прядь напозла на глаза, рукою взъерошил волосы.

— Разрешите обратиться к уездному комитету партии?

— Обращайся, — Шабунин поморщился. — Знаю, что скажешь, и наперед говорю: отказ.

— Много коммунистов ушло в армию?

— Кого послали, но кого велят и придержать. Сейчас тут — тот же фронт... Требуется разумное равновесие.

Быстров с надеждой в голосе сказал:

— Архив отправлен, исполком эвакуирован, к появлению врага все подготовлено. Разрешите на фронт? Афанасий Петрович, я очень прошу!

— Нет, нет, — сухо обрезал тот, — мы не можем оголять тыл. В армию всем хочется, а отодвинется фронт, кто здесь останется?

Молча протянул Быстрову руку, подошел к дивану, протянул руку Славке и сказал:

— Ну, я пошел.

Втроем вышли на крыльцо. На козлах тарантаса дремал парень в брезентовом плаще.

— Селиванов!

Парень встрепенулся, задергал вожжами.

— Давай в Покровское.

На речке кто-то стучал вальком, девка или баба делает свое дело, полощет белье.

— Все нормально, — негромко сказал Шабунин и, сидя уже в тарантасе, озабоченно спросил: — А как ваши люди, Степан Кузьмич, вы в них уверены?

Вместо ответа Быстров сунул в рот два пальца и свистнул. Тотчас же издали послышался ответный свист, конский топот и чьи-то голоса.

Шабунин обернулся: из-за дальних изб к волисполкому мчалось несколько всадников.

— Прямо как в иллюзионе, — сказал Шабунин, — но запомните: здесь вам придется хватить лиха не меньше, чем на фронте.

— Это, конечно, что и говорить... — вздохнул Быстров.

— Ну, вот и договорились, — Шабунин легонько хлопнул кучера по плечу. — Поехали.

— Кто это? — спросил Слава, когда они отъехали.

— Секретарь укома. Серьезный мужик... А ну, как кричат перепела? — повернулся Быстров к мальчику. — Давай, давай!

Слава подумал, что это очень уж неконспиративно, но подчинился приказу:

— Пить-пить-пить!

И задохнулся от жуткого предчувствия опасности.

3

День стоял удивительный, солнечный и в то же время прохладный, какие бывают только в бабье лето. В открытое окно библиотеки народного дома

вместе с неясными сельскими шумами лилось жужжанье запоздалой пчелы, еще собирающей нектар с последних осенних цветов.

Здесь же пахло старым устоявшимся деревом и благородною книжною пылью библиотечных шкафов.

Слава сидел в громадном кресле павловских времен, вплотную придвинутом к окну. На коленях у мальчика лежали книги. А за спиной вздыхал заведующий народом, бывший адвокат Андриевский. Он все пишет. Интересно, кому? О чем? Наверное, письма родственникам в Санкт-Петербург, как неизменно зовет он Петроград? Мол, живы, не беспокоитесь, все хорошо... А может быть, заговорщицкие письма? От него этого можно ждать, не любит он Советскую власть... Думая об этом, Слава смотрит в окно на синее небо, на застывшие деревья в саду. Тургеневский день. День из какого-нибудь романа. Из «Рудина» или «Базарова». Впрочем «Базарова» не существует. «Отцы и дети». Отцов и детей тоже не существует. Андриевские не отцы, и Ознобишины им не дети...

Слава вздрогнул, услышав знакомый голос.

— Что это вы тут пишете, Виктор Владимирович?

Слава поднял голову над спинкой кресла. В дверях библиотеки стоял Быстров, похлопывая ремennым хлыстиком по запыленным сапогам. Думают, что он уехал, а он не уехал — ездит себе по волости, появляется то тут, то там, даже вот в народ заглядывает.

Быстров бросил небрежный взгляд на Славу.

— А, и ты здесь...

И снова спокойно и негромко спросил Андриевского:

— Что пишете?

Андриевский встал.

— Письма.

— Интересно...

Быстров протянул руку, и... Андриевский подал ему дрожащей рукой сероватый листок.

— Мечтаете вернуться в Петроград? — Быстров вернул письмо. — Не советую.

— Я вас не понимаю.

Быстров сел, и Андриевский, немного подумав, тоже сел.

— Проезжал мимо, нарочно завернул предупредить, — сказал Быстров.

— Я весь внимание.

— Вы газеты читаете?

— Иногда.

— О положении на фронте осведомлены?

— Приблизительно.

— Н-да, положение того... — Быстров испытующе посмотрел на Андриевского. — Может случиться, Деникин докатится и до нас...

— Когда?

— Не торопитесь, может, и не докатится. А если докатится, то ненадолго. На всякий случай я и хочу вас предупредить...

Андриевский спросил, стараясь не встречаться взглядом с Быстрым:

— Меня?

— Вас. Именно вас!

...Слава еще не понимает, к чему клонит Быстров, но чувствует, что между ними дуэль...

— Не вздумайте уезжать ни в Петроград, ни вообще. Вы останетесь здесь, будете охранять этот дом. Сохраните все народное имущество. Вам ничего не грозит со стороны деникинцев, но вести себя лояльно. Понятно?

— Простите, не вполне понимаю... — Андриевский, кажется, действительно не понял Быстрова. — Если придет Деникин... Вы хотите связать мне руки?

— Вот именно.

— Превратить в сторожа народного имущества?

— Вот именно.

— Ну, знаете ли... Слишком много вы хотите от меня, Степан Кузьмич!

— Я хочу сохранить этот дом и все это — книги и прочее для наших людей.

— А вы не думаете, что этот дом возвратят владельцам?

— Не успеют! — Быстров повернулся к Славе. — Ты слышал разговор? Вот мы и поручим тебе помогать Виктору Владимировичу.

Андриевский смерил Славу уничтожающим взглядом.

— Ему?

— Не одному ему, конечно, — молодежи...

«Зря Быстров ему так доверяет, — подумал Слава, — мы бы и без него справились. Неужели Степан Кузьмич не замечает, как ехидно он кривит рот?»

Андриевский между тем встал и, картинно закинув голову, спросил Быстрова:

— Вы знаете, что отличает большевиков от всех

политических партий? То, что они вмешивают политику во все области человеческой жизни, ничего не хотят оставить вне политики... — Андриевский встал, прислонился спиной к книжному шкафу. — Взрослые ответственны за свои поступки, да и то не все. Но для чего вы вмешиваете в политику детей?

— Чтобы некоторые взрослые меньше занимались политикой! Ну как, вы согласны на мое предложение? — Быстров ударил хлыстом по голенищу.

Андриевский пожал плечами:

— Я не против, что в моих силах...

— Ну вот и договорились, а ты, Славка, скажи ребятам — пускай сюда ходят, читают, танцуют, устраивают спектакли. Виктор Владимирович даст тебе вторые ключи...

— И не подумаю! — Андриевский побагровел.

— Даст, — сказал Быстров, будто не слышал Андриевского. — Ты будешь здесь представителем молодежи, и если... — Быстров секунду помедлил, будто раздумывая, как назвать Андриевского — господином или товарищем. — Если гражданин Андриевский позволит себе какую-нибудь провокацию и я узнаю, то... пусть пеняет на себя. Время сейчас сам знает какое. Ну, а если по вине гражданина Андриевского с твоей головы упадет хоть один волос, то опять-таки ему завидовать не придется. Пошли. — Быстров взял Славу под руку. — Вечером еду в Тулу.

Слава понял, что с таким же успехом Быстров мог назвать Орел, Курск, Москву, — никуда он не уедет...

Спустились с крыльца, свернули в аллею. Сирень давно отцвела, рыжие кисти пошли в семена. Слава

дивился Быстрову, никуда он не уезжает, ничего не боится. Он кого-то напоминает Славе, идет не свойственной ему медленной походкой — за ним никогда не поспеть, а тут точно прогуливается.

Пахнет медом, душистым липовым медом, звенит пчела, вьется вокруг головы. Слава отмахивается, но пчела носится вокруг как угорелая — не надо махать руками.

— Ну, прощай, — наконец произнес Быстров.

Слава не успел и ответить, ничего не успел сообщить, как Быстров нырнул в заросли сирени — и его уже нет. Куда это он? Если в Семичастную, не миновать усадьбы Введенского, учителя географии Андрея Модестовича, а тот не слишком обожает Советскую власть. Как это Степан Кузьмич не боится?

4

Несколько дней тишины, и вдруг они появились. Должно быть, спешили. Небольшой конный отряд. Обычные кавалеристы вперемежку с казаками. Черные маслины в розовом винегрете. Спешили у церкви, квартир не искали, пошли по избам, лишь бы пожрать да прихватить чего на дорогу. «А ну, хозяйка, собери...» — «Да чего собрать-то». — «Шти, вот что. Момент!» Кавалеристы умеют кур ловить. Раз, раз!.. «Да что ж вы, разбойники, делаете!» — «Твое дело, тетка, пожарить, а наше пошарить». Пожрать, и опять на коней...

Астаховых миновали. К ним обычно заворачивало начальство. Обойдут — не обойдут, обойдут — не обойдут, любит — не любит...

Любит! Нервный стук в стекло. Никуда не денешься, выходи. Появилась Надежда, батрачка Астаховых, за нею Павел Федорович.

— Кто тут хозяин?

Офицер, сопровождаемый четырьмя казаками. Подтянут. Брит. Молод. Любезен.

— Э-э... Ротмистр Гонсовский! С кем имею честь? — С таким проносом: Гон'нсовский! И даже с полупоклоном. — Э-э... Пардон... В силу обстоятельств военного времени обязан произвести осмотр помещения...

И опять этакий легкий жест рукой: извините, ничего не поделаешь...

Вера Васильевна читала. Надо же делать вид, что сохраняешь полное присутствие духа.

— Пардон... Откройте.

Офицерский пальчик постучал по сундуку.

— Заховали куда-то ключ.

Наивный человек Павел Федорович!

Ротмистр к одному из подручных:

— Ефим, взломать...

Павел Федорович кинулся к сундуку.

— Я открою!

Наволочки, простыни, исподние юбки, рубашки, штуки сатина, мадаполама...

— Ефим... — Ротмистр пальчиком указал на простыни. — Для нужд армии... Офицерам тоже нужно на чем-то спать. Ефим, а теперь — если вам что требуется...

Казакам требуется мануфактура. Три, четыре, пять. Вернулись в залу. Легкий полупоклон в сторону Веры Васильевны.

— Пап-ра-шу открыть чемоданы.

Казаки раструсили белье по столу: детские штанишки, старые блузки...

Вера Васильевна сберегла один гарнитур — воспоминание о лучших временах, рубашка и панталоны, французский батист, кружева, нежность, воздух... Пушистое облачко легло на стол. Гон'нсовский балетным жестом простер над ним руку, и... облачко растаяло.

— Простите. Но... Бывают обстоятельства, когда и офицеры нуждаются в таких...

Лицо ротмистра осенила туча, он строго взглянул на Павла Федоровича.

— На два слова. Масло?

— Сметана есть.

— Сметану не берем.

— Не сбивали еще.

— Проводите в погреб.

В погребе бочки полторы сливок, Павел Федорович не спешил сбивать масло. Бочонок с топленным маслом врыт в землю, притрушен землей.

Гонсовский заглянул в бочки.

— Пейте, ребята, — разрешил он казакам. — Полезная штука.

Павел Федорович нашел даже кружку.

— Угощайтесь.

Казаки зачерпнули. Раз. Другой. Много ли выпьешь кислых сливок?

— Пошли...

Гонсовский чего-то искал.

— А здесь что?

Указал на амбар, сложенный из рыжего известняка.

— Хозяйственный скarb.

— Откройте.

Ох, как не хотелось Павлу Федоровичу открывать амбар! Но возразить не осмелился.

Возразил другой — Бобка! Залаял, затыкал, загавкал, забрехал, залился всеми собачьими головами: прочь, прочь, не пушу! Уходите! Неистово залился...

Гонсовский испуганно оглянулся.

— Где это?

— Не бойтесь, на цепи, — успокоил Павел Федорович. — За амбаром, на пасеке.

— А у вас пасека?

— Небольшая, для себя.

В амбаре пустынно и холодно, здесь бывало больше добра, а сейчас — сбруя по стенам, части от косилок, от молотилок, мелкий инвентарь — топоры, вилы, лопаты...

— А это что?

Точно не видел!

Семенной овес. Отличный, трижды сортированный овес. Без васильков, без сурепки.

— Овес.

Гонсовский запустил руку в закром, ласково и вкрадчиво захватил зерно в горсть, раскрыл ладонь, рассматривая овес, точно жемчуг, овес и лился с ладони, как жемчуг.

— Ефим, быстро! За подводами!

Ефим повернулся, засеменял, почти побежал. Павел Федорович чуть не заплакал.

— Ведь это ж семена. Семена, поймите. Ведь это ж хозяйство...

— Любезный... — Гонсовский опять стал Гон'нсовским. — Мы пойдем друг друга. Служение отечеству требует жертв. И с нашей стороны и с вашей. Я бы мог реквизировать фураж, но не хочу, не нахожу нужным, беру от вас этот овес как доброхотное даяние, могу даже выдать расписку. Считайте, овес у вас забрал сам генерал Деникин. Когда Антон Иванович займет Москву, законные власти возместят все...

Насмехается, сукин сын!

Слава шел, чуть отстав от Гонсовского. Офицер вел себя как на балу, даже непонятно, почему всхлипнул Павел Федорович, всё вежливо и не обидно.

— Не волнуйтесь, вас не заставят пошевелить мизинцем, — успокоил Гонсовский хозяина. — Мы сами погрузим.

Должно быть, фураж-то он и искал!

— А пока покажите пасеку.

Небрежной походочкой вышел из амбара и вернулся за угол. Пчелы игнорировали посетителей, зато Бобка выходил из себя. На пасеке тоже амбар, поменьше, где хранились принадлежности пчеловодства. Бобка, привязанный на цепь у двери амбара, выкопал под амбаром нору и обычно дремал там. Но сейчас метался, прыгал, выходил из себя.

Гонсовский любезно осклабился.

— Зайдемте-с?

Павел Федорович ногой придержал собаку, снял замок, открыл дверь.

— Заходите.

Слава потрепал Бобку, вошел за остальными. Пес не унимался: брехал, брехал...

Гонсовский обошел и этот амбарчик, он и здесь заприметил в углу бидоны.

— Выкати-ка, — приказал он одному из казаков. — Поглядим, что здесь за сметана...

— Там мед, — глухим голосом промолвил Павел Федорович. — Для подкормки пчел.

— Ошибаетесь, — весело поправил Гонсовский. — Для подкормки кавалергардов его императорского величества.

Казак выкатил бидон, второй, поднял с одного крышку.

— Пробуй, — приказал Гонсовский.

Казак запустил руку в бидон, пальцами достал комок засахарившегося меда, с аппетитом откусил, еще откусил...

— Сладкий? — спросил Гонсовский.

Казак ухмыльнулся.

— В плепорцию.

Носком сапога Гонсовский тронул бидон.

— Взять.

Казаки покатили бидоны к дверям. Павел Федорович не осмелился возражать. Да он и знал: возражать бесполезно. Это был, так сказать, элегантный грабеж. Все честь по чести, но попробуй возрази.

Однако все-таки нашлось кому возразить.

— Благодарю, — вежливо произнес Гонсовский,

слегка наклонив голову, переступил порожек и... закричал что есть силы.

Покуда Павел Федорович мысленно подсчитывал убытки, покуда казаки подкатывали бидоны к дверям, покуда Слава дивился, как легко и весело умеет грабить этот вежливый и, должно быть, опытный по этой части офицер, Бобка выступил в защиту хозяина: рванулся из-под амбара и сквозь голенище сапога прокусил офицеру ногу.

— Ах ты...

Для выражения своих чувств господин ротмистр воспользовался весьма нецензурными словами. Взыл, схватился за ногу, побледнел, его точно подменили, торопливо полез в кобуру за револьвером.

— Ах так...

Щелкнул взведенный курок.

И с такой же стремительностью, с какой пес накинулся на грабителя, Слава бросился к Бобке, прильнул к нему, обнял, заслонил своим туловищем.

— Отойди! — закричал Гонсовский. — Отойди, сукин сын! Пес будет наказан!

Слава еще теснее прижался к Бобке: не мог, не мог он предать друга!

— Отойди, щенок! Тебе говорят...

Казаки с интересом смотрели на своего офицера, они-то хорошо знали, что господин офицер не умеет прощать своих обидчиков.

— Считаю до трех, слышишь? Не отойдешь, пристрелю вместе с собакой!

— Слава!

Позади Гонсовского стоял Павел Федорович. Голос его прервался, визгливая нотка повисла в воз-

духе. Он не рискнул броситься к мальчику и насильно оттащить его от собаки, чего доброго, Гонсовский не дождется, выстрелит, и тогда поминай как звали, однако и мальчика отдать на расправу не позволяла совесть.

— Уйди, слышишь? Сейчас же уйди...

Казаки знали, ротмистр Гонсовский не врет, им и не такое доводилось видеть...

Павел Федорович забежал сбоку.

— Господин ротмистр, пощадите... Дурак, дурак, разве не видите? Пощадите маты! Мальчишка еще...

Но тут появился Ефим.

— Так что подводы прибыли.

Гонсовский поиграл губами.

— Так, так... — Посмотрел куда-то поверх мальчика. — Вернусь через пять минут. Собаку я все равно не прощу. Чтоб тебя здесь не было. Пеняй потом на себя...

И ушел распорядиться погрузкой овса.

Павел Федорович присел на корточки.

— Чего ваньку валяешь? Не знаешь, что ли? Кутеповские офицеры на все способны. Только мать обездолишь...

Он еще что-то говорил, но Слава уже не слушал. Он прижался к Бобке и вместе с ним полез под амбар. Они забирались все дальше и дальше. «Смотри, Бобка, — бормотал мальчик, — пристрелит он и тебя и меня, я тебя сейчас отпущу, только ты, дурень, не убегай от меня, смотри, без меня ни шагу»... Отстегнул под амбаром ошейник, обнял Бобку за шею и пополз в лаз, ведущий в проулок за амбаром.

А ротмистр Гон'нсовский, приказав застелить под-

воды брезентом и не оставлять в амбаре ни зернышка, вернулся к пасеке, увидел затянутую под амбар цепь, усмехнулся, нагнулся, сунул дуло в дыру и, не глядя, разрядил всю обойму.

5

Кавалерийская часть, которую ротмистр Гон'нсовский обеспечивал фуражом, мелькнула и исчезла где-то в стороне Ливен, и в Успенском снова наступило затишье.

И у Астаховых все вошло в свою колею, Павел Федорович припрятал все, что можно, Федосей и Петя сторожили на хуторе сад. Обмолачивать хлеб Павел Федорович воздерживался, хлеб стоял в скирдах, так легче избежать реквизиций. Кухарки Нюрка и Надежда хлопотали с живностью — коровы, птица, да и лошадей обихаживали они. Вера Васильевна пыталась иногда помочь, но большую часть ее времени поглощали заботы о сыновьях, постоянные постирушки, ремонт и перелицовка одежды и, разумеется, подготовка к урокам в школе — Лафонтен и Мопассан без словаря Макарова не давались: посреди черноземных орловских степей французские вокабулы выветривались из памяти необыкновенно легко. Один Слава ничего не делал, погруженный в мечты о подвигах, впрочем, его и не звали работать. Павел Федорович махнул на него рукой — да лежмя лежала совсем одряхлевшая мать Астахова, Пра-

сковья Егоровна: и рада бы в рай, да грехи не пу-
скали.

К ней первой и проникли завоеватели в образе мордатого молчаливого солдата. Он стоял перед стальной, и здесь-то и увидела его Вера Васильевна: солдат как солдат, маловыразительная физиономия, одет небрежно, хоть и по форме, и белый — на плечах погоны.

Непрощеным посетителям вопросов лучше было и не задавать, так как последовать могли самые непредвиденные ответы, но поскольку солдат предстал перед Верой Васильевной в единственном числе, она рискнула к нему обратиться:

— Вы кто?

Солдат не снизошел до ответа.

Тогда Вера Васильевна осмелела.

— Кто вы такой? — прикрикнула она на солдата. — Что вам нужно?

— Комендант, — соблаговолил сказать он.

— Какой комендант? — растерялась Вера Васильевна.

— Штаба, — добавил солдат. — Мы ваш дом занимаем под штаб.

Вера Васильевна все не могла понять.

— Да кто вы такой?

— Гарбуза, — невозмутимо назвал себя солдат. — Ефрейтор Гарбуза.

— Бог ты мой, решительно ничего не понимаю! — воскликнула Вера Васильевна. — Какой комендант? Какой Гарбуза?..

Тут появился Павел Федорович.

— Молчите, молчите, вы все испортите! — крик-

нул он, становясь между солдатом и свояченицей. — Говорите со мной, я хозяин.

— Не треба. — Солдата не интересовали хозяева. — Говорить будете промеж себя, а мне зараз очистить всю помещению.

Павел Федорович знал уже, в чем дело, в волости расквартировалось какое-то армейское соединение, в Успенском размещался штаб, и под канцелярию отвели дом Астаховых.

— Простите, с кем имею...

— Ефрейтор Гарбуза, — еще раз представился солдат. — Комендант штаба.

Ефрейтор и — комендант! Павел Федорович не знал, что комендант в данном случае значило то же, что завхоз.

— Освобождайте помещению, — сказал Гарбуза. — Сей минут подполковник будут.

— Куда ж я ее? — Павел Федорович указал на мать. — Человек непереносимый.

— Ничего не знаю, — сказал Гарбуза. — Убрать, и вся недолга.

— Невозможно...

— Ничего не знаю.

— Ну и убирай сам, — рассердился Павел Федорович: все же перед ним только ефрейтор и при том в единственном числе. — Видишь, в каком она состоянии?

— А не уберешь, — невозмутимо пригрозил Гарбуза, — лягешь рядом с ней.

— Можно ко мне, — предложила Вера Васильевна.

— Куда к вам? — рассердился и на нее Павел Федорович. — А вас куда, подумайте!

Они бы, конечно, не осилили этого коменданта, но, на их счастье, в отведенное помещение прибыла канцелярия.

Сгибаясь под тяжестью ноши, появилось некое белобрысое существо в гимнастерке с солдатскими погонами.

Не задавая вопросов, оно прошло прямо в комнату, занимаемую Верой Васильевной, неуверенно осмотрелось, грохнуло ношу на стол, развязало веревочки, стянуло скатерку, это оказалась пишущая машинка, существо подергало на «ремингтоне» рычажки и еще раз неуверенно осмотрелось.

— Гарбуза, что ты за комендант? — капризно пожаловался прибывший.

— Момент! — воскликнул комендант.

Но опять ему не пришлось ничего сделать, в комнату вошли офицеры. Солдат у машинки и Гарбуза вытянулись.

Их было трое, старший из них, подполковник, остановился посреди комнаты, двое других, помладше и помоложе, принялись бесцеременно заглядывать во все углы и то садиться, то вскакивать, точно они на ощупь проверяли прочность кресел и стульев.

— Где хозяин? — обратился подполковник к коменданту.

Павел Федорович сам выступил вперед.

— Командир полка Шишмарев, — представился подполковник, протягивая ему руку. — А вы?

— Астахов, Павел Федорович, земледелец, — на-

звался тот, вежливо прикасаясь к протянутой руке. — Устроим вас честь по чести...

— Нет, я квартирую напротив, здесь будет канцелярия, — сказал Шишмарев, поглядывая на Веру Васильевну и указывая на соседнюю комнату. — А кто у вас здесь?

— Жена брата, — объяснил Павел Федорович и не удержался, добавил: — Тоже офицер.

— Где?

— В армии.

— В какой?

Павел Федорович соврал бы, но побоялся Веры Васильевны: подведет.

— В царской. В царской он служил, до сих пор еще не вернулся... — все-таки соврал и поспешил вернуться к злободневным делам. — Мы сейчас выберемся...

— Куда?

— На кухню.

— Покажите сначала помещение.

Шишмарев обошел комнаты, расспросил, кто где помещается. «Под канцелярию хватит двух...» Приказал не трогать Прасковью Егоровну. «Было бы варварством...» Тут на шум явился со своего чердака Слава. «А это чей мальчик?.. Здравствуй. Как зовут?.. Что у тебя за книжка?..» Слава в тысячный раз читал «Героя нашего времени». Шишмарев улыбнулся, потрепал мальчика по голове. Печорин решил вопрос. «Вы останетесь в доме, — это Вере Васильевне. — Тем более жена офицера...» Дал указание перенести вещи Веры Васильевны за перегородку, в комнату Павла Федоровича. «А вас попрошу устроиться где-

нибудь еще, — это Павлу Федоровичу. — Женщина с детьми нам не помешает, а вы... — Вежливая усмешка. — Нет оснований не доверять, но — мера предосторожности, в штабе всякие разговоры... — Вежлив безукоризненно. — Михаил Гурьевич, займитесь... — Одному из офицеров, тонконогому, тонконосому и, как выяснилось чуть позже, тонкоголосому; он представил его Вере Васильевне: — Поручик Ряжский, наш адъютант... — Назвал существо у машинки: — А это Астров, полковой писарь. Ваши соседи. Михаил Гурьевич, чтоб все в ажуре...»

Поклонился, ушел. Квартирьеры отвели командиру полка дом Заузольниковых, после этого всё без сучка и задоринки, даже Гарбуза не выявлял свой железный характер. Прасковью Егоровну вообще никак не потревожили, вещи Веры Васильевны и диван перенесли за перегородку, Павел Федорович переехал в кухню, в залу внесли какие-то ящики, тюки, Ряжский расставил чемодан-кровать, и не прошло часа, как Астров застрекотал на машинке.

Вечером Шишмарев пришел в штаб, выслушал доклады, отдал распоряжения, подписал приказы, постучал в перегородку, спросил:

— Вы дома?

Вера Васильевна вышла в залу.

— Я вас слушаю.

— Зачем так официально? Хочу с вами познакомиться... — В голосе никакой двусмысленности, скорее это дань вежливости, чем любопытство. — А где ваш сын?

— У меня их два.

— Познакомьте меня.

Вера Васильевна позвала мальчиков: не стоило обострять отношения с непрошеными гостями, тем более что сами они не давали к тому поводов, да и в присутствии мальчиков разговаривать спокойнее, чем наедине. Она пригласила Шишмарева на крыльцо, всё на виду, еще спокойнее.

В штаб приходили, уходили. Стрекотала машинка. Ряжский кричал что-то по телефону. Раз два выглянул на крыльцо Астров, в первый раз Шишмарев подписал бумагу, во второй раз поморщился, выставил писаря.

— Успеется.

Чаще задавал вопросы мальчикам, реже Вере Васильевне, к Пете у него интерес вскоре пропал. Петя молчалив и застенчив, «да» и «нет», «да» и «нет» — вот и весь разговор, а Слава любит поговорить, и к тому же надо говорить. Он показывает свою образованность, говорит и про школу, и про Оскара Уайльда, и про Наполеона...

Шишмарев попросил мальчика показать ему село. Они сходили к церкви, к исполкому, перешли реку, поднялись к школе, вернулись обратно. Слава попросил разрешения попечатать на машинке. Шишмарев приказал Астрову поучить мальчика, похвалил Славу, обещал утром дать пострелять из револьвера и ушел спать. Следом за ним ушел Ряжский. Слава пристал к Астрову, чтоб тот поучил печатать. Астров взял какие-то исписанные с одной стороны листки, показал, как вставлять бумагу, ударять по клавишам, переводить каретку. Напечатал несколько фраз, урок ему вскоре надоел, собрался ужинать, сказал, чтоб мальчик сам учился печатать, не маленький, а если по-

звонит телефон, чтоб сразу бежал в кухню и позвал бы его, Астрова.

Он ушел, а на столе остались лежать приказы. Слава принялся читать. Он не думал, что все будет так просто — писарь легковверен сверх всякой меры, писаря обмануло отношение к мальчику командира полка. Сунул в карман исписанные листки. На глаза попалась рапортника на довольствие, и Слава принялся перепечатывать ее — если кто придет, скажет, печатает для практики первый попавшийся текст.

Астров вернулся. На минуту заглянул Гарбуза, придирчиво посмотрел на писаря.

— Никуда не уходи, — приказал Гарбуза. — Здесь и ночуй, поручик небось не придет до утра. — Пальцем указал на мальчика. — А этот чего здесь?

— Подполковник велел обучить на машинке, — объяснил Астров.

— Машинку ломать, — недовольно сказал Гарбуза и угрюмо поглядел на Славу. — Шел бы спать...

Он ждал, когда мальчик уйдет, и тому пришлось подчиниться, пошел к себе за перегородку, а Гарбуза сразу же убрался после его ухода.

Вера Васильевна постелила постели, уложила Петю, легла сама.

Слава перекинул ноги через подоконник.

— Куда это? — встревожилась Вера Васильевна.

— Выхожу один я на дорогу...

— Я тебя серьезно спрашиваю?

— Поброжу немного.

— Ты точно не от мира сего, вокруг война...

— Я далеко не пойду.

Слава спрыгнул в палисадник. Сбегать, что ли, за поповский перекат? «Пить-пить-пить!» Первый день оккупации. Вдруг его дожидаются?..

6

Все трепетало в лунном свете, все светилось ночным волшебством: и листья кленов, и дома на пяточке, и дорога.

Мальчик перелез через забор, спрыгнул позади хаты Волковых, прислушался. Мерный шум неся точно из-под земли, наползал, предостерегал. То корова пережевывала свою жвачку в хлеву у Волковых, то сквозь стену слышался чей-то шепот. Или это показалось ему? Сам придумал шепот?..

Мертвенный зеленовато-молочный свет заливал площадь, исполком высился черной глыбой, окна по-сверкивали серебряным блеском, да поодаль белело здание бывшей питейной лавки.

У лавки стоял караул, деникинцы хранили в ней реквизированные продукты. Двое солдат сидели на ступеньках низенького крылечка, винтовки лежали перед ними прямо на земле, они курили. Цигарки вспыхивали красными точками, и гуще становилась возле солдат тьма.

Побежать?.. Обязательно остановят!

Его окликнули:

— Кто там?

— Я, — сказал Слава.

— Кто ты?

— А у нас штаб стоит, — нашелся мальчик.

Один из солдат узнал его.

— Это тот пацан, что ходил с подполковником.

Слава сделал несколько шагов, его не остановили. Мальчик свернул к реке, вниз. Черт возьми, как хрустят ветки! На реке темно, хоть луна и высвечивает из-за облака. Перебегает запруду. Вверх, вверх, вот и лужайка...

«Пить-пить-пить! Пить-пить-пить!» Свисти, свисти, все равно никого... «Пить-пить!»

— Ой!

— Почему так поздно? Я уж хотел уходить.

— Откуда вы, Степан Кузьмич? Я просто так пошел, не думал, что вы здесь.

— Как не думал? Я велел Терешкину передать, чтоб ты как-нибудь вырвался.

— Даже не видел его.

— Что у вас?

Слава доложил — штаб, Шишмарев, машинка, — отдал захваченные бумаги.

— Молодец, — похвалил Быстров. — Завтра сюда опять, только пораньше, ночью не надо, лучше под вечер, когда светло, меньше подозрений.

— А увидят?

— Ну и пусть, пошел погулять.

Быстров крепко, по-мужски, пожал ему руку.

— А теперь спать, спать беги!

За стенкой спорили... Кто спорит? Как хочется спать! Раз, два, три! Слава вспрыгнул на подоконник...

Через минуточку в дверь:

— Можно?

— Входи, входи...

На него не обращают внимания. Астров сидит у машинки. Ряжский у телефона. Филодендрон задвинут в угол, загораживает кюот, Шишмарев стоит у стола, а на столе, на краешке стола, сидит еще один офицер, круглолицый, голубоглазый, белолобый — есть такие скучные девки, на них долго никто не женится, а если женится, то умирает с ними со скуки.

Слава довольно скоро разбирается в споре. Тот, что на столе, настаивает собрать волостной сход, выбрать волостного старшину. Армия уйдет вперед, надо оставить с в о ю власть, восстановить старые институты. Деникин, как известно, несет свободу и демократию, пороть будем потом, поэтому не нужно назначать, назначения никогда себя не оправдывают, пусть сами выберут, мы не позволим выбрать кого не надо, и откладывать с выборами не стоит, необходимо до ухода восстановить старые институты...

А полковник возражает:

— Ротмистр, нам не до выборов... — Ага, значит, тот, что на столе, ротмистр. — Поверьте, Кияшко, армию не следует отвлекать гражданскими делами... — Фамилия ротмистра Кияшко. — Да и кто гарантирует, Илья Ильич, что не выберут большевика?

Значит, тот, что на столе, ротмистр Кияшко Илья Ильич. Но... если он ротмистр, почему он сидит перед подполковником?

И как он хохочет, этот Кияшко, как самоуверенно и нагло. Что ты такое, ротмистр, если можешь хохотать прямо в лицо подполковнику?

— Мы выберем большевика?! Да я все уже знаю здесь, знаю, кто и чем дышит. У здешнего попа пять дочерей, так я уже знаю, какая с кем спит! Я собрал кое-какие данные, политический настрой населения вполне удовлетворительный, выберут того, кого им укажут, мы подготовим кандидатуру. Я прошу вас не игнорировать политические задачи движения, не заставляйте меня звонить генералу Жиженко.

Шишмарев смотрит на Кияшко, как на скорпиона. Почему скорпиона? Так кажется мальчику.

— Черт с вами, ротмистр. Созывайте сход. Но мне там делать нечего.

Кияшко смеется еще веселее:

— И мне. Сход проведет само население...

Они уходят. Шишмарев делает какие-то знаки Ряжскому — мол, я скоро вернусь, — ему, видно, не хочется уходить, но очень хочется спровадить Кияшко.

— Кто это? — спрашивает мальчик Астрова.

— Недремлющее око, — фальцетом произносит Ряжский.

— А генерал Жиженко?

— Контрразведка, — на этот раз обычным своим голосом бросает Ряжский. — И вообще, мальчик, об этих людях лучше не говорить.

— А чем он командует? — Слава кивает в сторону двери, давая понять, что вопрос относится к Кияшко.

— Гм... — Ряжский озабочен, не сразу находит-ся. — Мыслями. И при этом не своими. Твоими, моими, вот его...

Астров мотает головой, желая показать, что у него нет мыслей.

Слава задумывается — будет сход или нет, надо передать об этом Быстрову.

Он все время толчется поблизости от штаба, там идет своя жизнь, о войне, кажется, никто не помышляет, — сапоги, лошади, машинное масло, хлеб, хлеб, хлеб, бинты и спирт, гвозди, зачем-то мел, кто-то требует мела, — зачем армии мел? — рапорта, ведомости, реестры, — вот что в обиходе действующей армии.

К обеду является Терешкин.

— Виктор Владимирович просит всех, кто в драматическом кружке, собраться после обеда в нардоме.

Неужели Андриевский собирается угощать денинцев спектаклем?

В нардоме оживленно, весь кружок уже в сборе: сестры Тарховы, почмейстерша, Терешкин, все переростки и недоростки, но особенно оживлен Андриевский. Он в сером люстриновом пиджачке и лимонных фланелевых брюках, прямо денди с Васильевского острова, не восседает, как обычно, за своим карточным столиком, а снует туда-сюда, поднимает у всех настроение: эх, ему бы в парламент, то-то бы получился депутат.

— Юному санкюлоту, — приветствует он Славу.

Слава подозрительно осматривается. Нет никаких Княшко, вообще никаких посторонних.

— Па-а-прашу на сцену.

Андриевский за режиссерским столиком.

— Га-а-спада... — Все-таки «гаспада», а не «товарищи», впрочем, он всегда избегал этого слова. — Командование армии обратилось к местной интелли-

генции с просьбой помочь провести выборы волостного старшины...

Все-таки не послушался, не понял Быстрова! Обрывать его бесполезно.

— Завтра здесь соберутся земледельцы со всей волости, надо провести собрание поимпозантнее, прошу не уронить себя лицом в грязь.

С какой бы охотой Слава уронил Андриевского — и не в переносном а в самом прямом смысле — лицом в грязь!

— Мы украсим зал. Речь, очевидно, придется произнести мне, затем спектакль...

— А выборы?

— То есть выборы, а затем спектакль.

Никого, кажется, не смущает, во имя чего состоит спектакль...

Слава на репетиции. Репетируют «Сцену у фонтана». Курносая Нина Тархова старательно задирает нос, Андриевский патетически декламирует:

Тень Грозного меня усыновила...

Прямо с репетиции Слава отправляется на облюбованную лужайку, докладывает Быстрову о предстоящих выборах.

— Отлично, — говорит тот. — Ключи от нардома при тебе? Давай их сюда. Никаких самостоятельных действий, до тебя еще очередь не дошла.

А вечером Кияшко сидел у полевого телефона, звонил по батальонам, приказывал пошевелить мужичков, поторопить их с утра. Выступить с речью поручили Андриевскому. Трезвый человек и услужливый, он даже посоветовался с ним, кого выбрать

волостным старшиной. Тот рекомендовал Устинова, по мнению Андриевского, не стоило обращать внимания на то, что он был председателем сельсовета: мужик хитрый, уважаемый, умеет ладить со всякой властью, но по своему достатку ему с большевиками явно не по пути...

Кто-то шепнул Кияшко, что в исполкоме спрятано некое «сокровище»: в марте 1917 года портрет императора и самодержца Николая Второго, украшавший резиденцию волостного старшины, забросили на чердак: вдруг еще пригодится. Смотрели как в воду, он и пригодился, за неимением портрета более реального — Антона Ивановича Деникина.

Кияшко отрядил Гарбузу на чердак с приказанием «найти и доставить», и такая ищейка, как Гарбуза, нашла и доставила портрет будущему депутату будущего парламента Великой Единой и Неделимой, может быть, от того же Орловского округа, в который волею судеб занесло этого парламентария из Санкт-Петербурга.

Андриевский и Кияшко решили устроить нечто вроде открытия памятника, режиссер с помощью актеров подвесил портрет к колосникам и опустил перед ним задник, который и вознесется в должный момент, явив мужикам популярную физиономию.

Приготовления к торжеству шли в нардоме до поздней ночи.

Программу разработали полностью: сперва молебен, потом открытие «памятника», затем речь и затем уже избрание старшины с соблюдением всех демократических традиций дворянских собраний. По распоряжению Андриевского нардомовский сто-

рож Тихон весь вечер катал у себя в хате глиняные шарики, окуная одни шары в черные чернила, а другие в разведенный мел.

Вечером в штабе Кияшко доложил Шишмареву о подготовке схода, не доложил, вернее, а рассказал, похвастался портретом. Воплощение, мол, идеи, о которой будет ораторствовать адвокат из Петрограда, император повешен, скрыт кипарисами; как только священник попросит у бога победы над противником, портрет предстанет на обозрение.

7

Все это Слава намотал на воображаемый ус, вышел во двор, задворками добежал до парка и далее до нардома. Дом дремал в тишине, и, хотя ключей у него уже не было, он знал раму, у которой шпингалеты плохо входили в пазы...

Мужиков принялись скликать на сход с утра, мужики не шли: спокойнее отсидеться по домам. Тогда Кияшко послал по селу солдат комендантского взвода. Никого, мол, не неволят, но те, кто не хочет идти, пусть сдадут по овце в котел добровольческой армии. Мужички потянулись гуртом, легче самому стать бараном, чем сдать барана.

На вход смотрели как на новые ворота. У дверей — березки, как на троицу, зал украшен еловыми ветками, на сцене постамент для ораторов, в глубине задник с мраморной беседкой и кипарисами.

Впрочем, кипарисы вскоре взвоятся на глазах у мужиков к небесам и явят почтенному обществу нечто символизирующее Великую Единую и Неделимую...

Из окрестных деревень мужиков не густо, но из Успенского явились все — чтоб сохранить овцу, можно бы сходить и подальше.

Все началось по расписанию. Мужики в зале выжидательно — как бы не попасть впросак — сидели и помалкивали. На сцене Андриевский, на просцениуме отец Михаил. Этому море по колено. Служители Мельпомены кто где: меж кулис, у занавеса, в том числе и Слава Ознобишин, а рядом, в библиотеке, она же артистическая, Андриевский и Кияшко — один видимый, другой невидимый режиссеры.

Отец Михаил сунулся на мгновение за кулисы, скинул подрясник и тут же появился в рясе — трансформация, взмахнул крестом, дьячок подал кадило, и пошла писать губерния.

Андриевский повел рукой.

— Па-а-прашу...

Но мужики поднялись без команды, не успели еще отвыкнуть от молебнов.

— Спаси, господи, люди твоя...

Кое-кто привычно перекрестился.

— ...и благослови достояние твое...

Торжественная минута.

— ...победы благоверному императору нашему...

Время и для сюрприза! Команду подал Кияшко: «Давай, давай!» Терешкин и Лавочкин потянули веревки. Кипарисы вздрогнули, холст закрутился вверх...

Портрет! Благоверного императора нашего Николая Александровича! Красные глаза, длинные зеленые усы, синяя борода и два загнутых фиолетовых рога. Сперва даже непонятно...

— ...императору нашему Николаю Александровичу на супротивный даруя...

Андриевский величественно смотрит в зал. Мужики улыбаются. Почему они улыбаются?

Почему они улыбаются? Смотрят на сцену... И вдруг из толпы зрителей вырывается смехок. Еще смехок. Еще. Кто-то кивает. Кто-то рукой указывает на сцену.

Андриевский оборачивается — боже мой! — и одновременно из-за кулис выбегает Кияшко.

— Опустить! Опустить! — кричит он и машет рукой, показывая: опустить, опустить!

Мужики сразу приходят в веселое настроение.

Терешкин отпускает веревку, задник стремительно раскручивается, и снова кипарисы и мраморная беседка.

Отец Михаил с дьячком ретируются, на сцене главный священнослужитель на сегодняшний день — ротмистр Кияшко. Вся надежда теперь на Андриевского, один он может спасти положение, произнести речь, обрисовать момент, пробудить патриотизм...

— Перед вами выступит ваш односельчанин Виктор Владимирович Андриевский...

Какой он им односельчанин?!

Андриевский и так высок, а на постаменте немного не достает до ramпы. Не послушался Быстрова, не одолел искушения, приготовил речь — о сво-

боде, о демократии, о родине, черт знает о чем, самые роскошные слова подобрал. Итак, внимание!

— Га-спа-да...

И замирает.

— Гаспада...

Он как-то весь обвисает на своем постаменте, точно он без костей, утратил всякую устойчивость, вот-вот осядет. Его выразительные карие актерские глаза прикованы к чему-то в зале

Слава следит за его взглядом...

Да что же это такое? Быстров! Да как он может, что за безрассудство... Но какое великолепное безрассудство! В эту минуту Слава знает, кого напоминает ему Быстров. До чего ж он похож на Дубровского! На любимого Дубровского!

Степан Кузьмич сидит в глубине зала у раскрытого окна и не сводит взгляда с Андриевского. Так вот они и смотрят друг на друга, Степан Кузьмич на Андриевского, как змея на кролика, и Андриевский на Быстрова, как кролик на змею.

— Говорите же, — негромко, но достаточно внушительно командует Андриевскому Кияшко.

Легко ему командовать! А если Андриевский не может?..

Никогда еще Виктор Владимирович Андриевский не оказывался в таком ужасном положении. Он пропал! Двум смертям не бывать, одной не миновать, а он очутился меж двух смертей, между Быстрым и Кияшко.

— Гаспада...

И захлебнулся. Единственное, что он может сказать: гаспада, я пропал! Но недаром он адвокат. На-

ходит выход и как невинность соблюсти и как капитал приобрести. Обмякает, оседает и... падает в обморок.

Хватается рукой за сердце и падает — не так, чтоб очень ушибиться, при его росте упасть навзничь — разбиться, опускается, присаживается и уж затем растягивается на полу.

— Воды! Воды! — кричит курносая Ниночка Тархова, выхватывает из чьей-то протянутой руки стакан, набирает воду в рот и торопливо прыскает в лицо Андриевскому.

Но все смотрят не на Андриевского, а на Быстрова, и Кияшко смотрит со сцены, и кто-то наклоняется из-за кулис и шепотом объясняет кто это, и Кияшко хватается за кобуру.

Но тут мужиков точно ветром из окна пригибает, а сам Быстров берется за подоконник и в мгновение ока скрывается в просвете окна.

Кияшко с револьвером в руке бросается к двери. Заперта! Бросается к другой. Заперта! Ринуться через толпу и выпрыгнуть в окно не рискует, боится повернуться спиной... Он кричит, зовет! Кияшко хоть и не собирался нарушать демократию, но на всякий случай припрятал несколько солдат, они выбегают из угловой комнаты, что позади зала, наваливаются на двери, те не поддаются. Шум, суета, только что не паника... Теперь Слава понимает, зачем понадобились Быстрову ключи. Пока кто-то из солдат вылезает в окно, пока выламывают одну из дверей, Быстрова уже след простыл, поминай как звали, ищи ветра в поле!

Тем временем Андриевский приходит в себя, го-

ворить он решительно не может, однако Кияшко требует провести выборы.

Армия одобрила кандидатуру Устинова, но не может же Кияшко приказать его выбрать. Армия за свободное волеизъявление, у самого Кияшко на примете лишь одна эта кандидатура, да и ее он плохо запомнил в лицо...

— Филипп Макарович Устинов? — вопросительным тоном возглашает ротмистр Кияшко. — Попрошу вас сюда!

Филиппу Макаровичу страсть как не хочется вылезать, но и не спрячешься, все смотрят на него, и он не торопясь поднимается на сцену.

— Слушаю, господин начальник.

— Мы тут советовались с народом, есть мнение выбрать вас...

Филипп Макарович пугается, все эти ротмистры, поручики и полковники как пришли, так и уйдут, а со Степаном Кузьмичом жить, пожалуй, еще и жить, лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою.

— Какой из меня старшина, я и грамоте-то не очень...

— Народ лучше знает!

Филипп Макарович вспоминает, как с полгода ходил в председателях потребиловки, при ревизии в лавке обнаружилась недостача, совсем незначительная; без лишних разговоров Устинов ее тут же погасил, но сейчас о ней стоит напомнить.

— Да и недостача была у меня... — Нет, не пойдет он в белые старосты, голова дороже почета. — Слаб я, господин офицер.

— Это уж нам решать, справитесь или не справитесь...

— Не поняли вы меня, не на работу слаб, на руку...

Мужики видят, Устинов не рвется в начальники, он умеет ладить с людьми, не хотят его приневоливать.

— Правильна! Правильна! — кричат из зала. — Была у него нехватка!

Кияшко понимает, что нельзя выбирать человека с подмоченной репутацией.

Веселого в этом, собственно, мало, но мужикам весело, тон задал отец Михаил, потом балаган с портретом, обморок Андриевского, на серьезный лад не настроишься...

— А кого бы вы предложили? — обращается Кияшко к собранию.

Выкрикивают несколько фамилий, но эти фамилии что-то не очень стремятся к власти, все отказываются, у одного в печенках боль, у другого в ногах, а у третьего и в ногах и в печенках. Надо назвать такого, кто не успеет двух слов связать, покуда его женят.

— Фролова! Фролова!

— Правильна, Кондрат Власыча!

Кондрат Власыч хозяин самостоятельный, ничего не скажешь, но из него даже в праздник, когда он бывает пьян, двух слов не вытянешь, а трезвый он вообще не откроет рта.

— Кондрат Власыч, просим.

— Просим, просим!

— Да чего там, мужики, подавай за его...

Фролов сбылся, запустил руку в штаны, корябает себе бедро, только сивая борода ходит вверх-вниз, вверх-вниз...

Насилу собрался:

— Гражданине...

Куда там... Другого слова произнести не успел, как выбрали!

— С тебя магарыч, Кондрат Власыч...

— Да я...

— Ну чего, чего?.. С тобой покончено, за тобой магарыч.

Мужики и впрямь в хорошем расположении духа: и на сходку сходили, и старшину выбрали, и все мимо, ни против той власти, ни против этой, ни обложений не взяли на себя никаких, ни даже приветствий никому никаких не принимали.

Тем временем замки открыли, и, не успели Фролова выбрать, как тут же все шасть на улицу.

Терешкин орет:

— Граждане! Отцы! Сейчас спектакль будет...

До спектаклев ли тут, скорей по домам, баста, ползут во все стороны, как тараканы, когда на них плеснут кипятком.

Один Кондрат Власыч опомниться не может, не думал, не гадал, во сне не видел себя волостным старшиной, а тут нате, подсудобили мужички.

Все разошлись, даже Кияшко с солдатами, остались одни вьюноши и поповны, заиграли на фисгармонии всякие контрдансы, заведут сейчас танцы, а новоизбранный старшина все в себя прийти не может.

Побрел, наконец. Идет себе по аллее в полном

одиночестве, такие-то хорошие, такие-то убедительные слова приходят на ум, выскажи он их, не смог бы не уважить, освободили бы от непосильной ноши, но сказать их некому, сбросить с себя ничего уже нельзя. И вдруг чувствует, как опустилась на плечо чья-то рука и дружески его обнимает...

Батюшки, Быстров! Откуда?..

А тот наклоняется и дает опечаленному старшине дружеский совет:

— Ничего, Кондрат Власыч, не теряйся, минует тебя эта напасть, пока что царствуй, только ни в коем разе не управляй.

8

Как назойливый петух, отогнанный от куриного стада, он с самого утра покрикивал, с самого утра все кричал:

— Мне нач-чальника! Мне нач-чальника!

Так что даже невозмутимый фельдфебель Жобов и тот не выдержал, вышел на галерку и заорал:

— Да иди ты, иди, наконец, мать твою, подобру-поздорову...

Но мужичок не уgomанивался:

— Мне нач-чальника!

И дозволялся начальника.

Шишмарев в это время сидел у окна и читал бумаги, привезенные на заре казаками из штаба дивизии, — «вручить лично и непосредственно команди-

ру полка подполковнику Шишмареву». Он читал, перечитывал, достал из полевой сумки карту, сверился с картой и опять принялся вникать в смысл полученного приказа, когда до него донеслось настойчивое хрипловатое кукареканье:

— На-чаль-ни-ка! На-чаль-ни-ка...

— Какого черта он там орет? — оторвался от бумаг Шишмарев. — Что нужно?

— Вас требует, — с усмешкой сказал Ряжский. — Его уже гнали, говорит, пока не повидаю начальника, не уйду...

— О господи... — Шишмарев встал и пошел через сени на галерею. — Что тебе? Орешь как оглашенный...

— Товарищ высокоблагородие! Как я есть желаю все по порядку...

Тут и Слава, заинтересовавшись, вышел; он только что проснулся, услышал лениво-раздраженный голос Шишмарева и тоже выглянул на галерею.

Перед Шишмаревым, переминаясь с ноги на ногу, стоял мужик в рыжем армячке. Слава видел его раньше, зачем-то приходил он к Павлу Федоровичу. Захар Кудашкин из Семичастной.

— Быстряк Маруську-то свою туды-сюды, туды-сюды гоняет.

Сперва Шишмарев не понял, но скоро до него и до Славы дошло, что Захар Кудашкин принес весьма важное сообщение.

Быстряк — это Быстров, Маруська — это лошадь Быстрова. Кудашкин пришел с доносом о том, что видел Быстрова за Семичастной, и не один раз: тот

приезжает, уезжает, чего-то вышныривает, и «етто, известно, против властей».

Тут Шишмарев стал слушать внимательнее. Принялся расспрашивать, уточнять непонятное.

Председатель исполкома Быстров всех помещиков здесь прижал, полный хозяин был волости, думали, что «ен... ев... ив... иввакуировалси», а на самом деле ничего «не иввакуировался», остался здесь со всей своей бражкой, выслеживает за властями — от него всего жди, а он, Захар Кудашкин, «завсегда за порядок»...

— Ен неспроста шныряет, встречается с кем-то, можить, у вас у самих кто сочувствует...

— Где ты видел своего Быстрова?

— В леску, за речкой, шел жердей наломать...

Порубки возле Успенского запрещены, за них строго взыскивали, однако сейчас царило безвременье, и Кудашкин не боялся ни Быстрова, ни Шишмарева.

— Ен в одно место к вечеру ездит.

— Покажешь где?

— Хоть сей минут!

Шишмарев пошел обратно, а Слава безразлично и как бы от нечего делать тоже поплелся за встревоженным Шишмаревым.

Командира полка явно встревожил донос Кудашкина. Неужели Шишмарев придает столь большое значение появлению Быстрова? На самом деле Быстров был частностью, Шишмарева тревожили полученные депеши.

— Гарбуза!

Гарбуза уже ел глазами начальство.

— Видел мужика у крыльца?

— Отогнать?

— Пойдешь с ним, покажет место, найдешь охотников — и вечером в секрет. Приведешь друзей, которые там встречаются. Понятно?

— Так точно.

Шишмарев вернулся в зал, сел за стол, рядом Слава, тоже сел, подпер голову руками, уставился восторженными глазами на Шишмарева.

— Тебе чего, Славик?

— Обещали поучить из револьвера.

— Сегодня не могу, некогда. Поручик! Собрать в шестнадцать ноль-ноль командиров батальонов и рот. А ты побегай пока.

— Лучше я порисую.

Шишмарев настоящий кадровый офицер, любит, когда все предусмотрено и сверху и снизу, если его сочли нужным предупредить, он, в свою очередь, тоже считает нужным предупредить офицеров — с открытыми глазами воевать легче.

— Тебе чего, Слава?

— Бумаги.

— Я давал вчера.

— Порвал...

Шишмареву приятно присутствие мальчика, он чуть моложе его сына и нежнее, нежный мальчик, очень интеллигентный, куда только судьба не забрасывает теперь интеллигентных мальчиков, вместо того чтобы учиться в нормальной гимназии, ходит здесь в какую-то вторую ступень. Голод, конечно, разруха, куда они не загонят...

— Ты что там пишешь?

— Стихи.

— Покажи-ка. «Осенний лес роняет листья»...

А что рифмуешь с листьями?

— Не получается. Я переменею...

— Покажи-ка... «Осенний лес листву роняет»...

Ну, брат, на «роняет» уже легко!

«Отвяжись ты со своими рифмами, — думает Слава. — Займись делами». В общем этот Шишмарев довольно симпатичный, и добрый, и образованный... Но в нем нет той силы, которая движет Быстрым. И, между прочим, Славой. Слава ощущает в себе ту же силу, что и в Быстром. Сила времени... Этого он себе не говорит, лишь смутно ощущает. Шишмарева легко убить, кажется Славе, а Быструю невозможно. Не потому, что Быстрый какой-то особенный человек, а потому, что наделен он этой особой силой.

— Что, получается? «Роняет листья лес осенний, замолкло пенье на полях, и только слышен в отдалении»... Пиши, пиши, поэтом будешь!

Славе решительно не до стихов. У него сердце замирает. Хорошо, что Шишмарев его не опасается. Послал Гарбузу в секрет! Тот рад выслужиться. Холуй! Под вечер Степан Кузьмич появится на условном месте... А Слава не появится, потому что предупрежден, потому что за кустами в секрете Гарбуза! Быструю схватят, а может, и убьют, если вздумает сопротивляться. А он обязательно будет сопротивляться. Не такой он человек, чтоб сдаться врагу... Но ведь Быстрый нужен. Очень нужен! Много ли от Славы пользы. Вот даже сейчас он не знает, как по-

ступить. И себя жалко и Быстрова. «Но ведь я РЕВОЛЮЦИОНЕР! И Степан Кузьмич! А ведь революционеры...»

Шишмарев и Ряжский выходят. Один Астров тюкает на машинке. Победитель! Тоже собирается въехать в Москву на белом коне и волочит с собой разбитый «ремингтон». Что заставляет его находиться в деникинской армии? Был писарь и будет писарем. Всего на свете боится, а больше всего Шишмарева. Эх ты, Астров, Астров! «Осени мертвой цветы запоздалые». Его и завтракать-то всегда забывают позвать!

Слава неторопливо выходит из комнаты, бежит на кухню к Нюрке.

— Писарь завтракал?

— А кто его знает.

— Полковник велел накормить.

— Так чо не идет?

Слава возвращается.

— Астров, вас завтракать зовут.

— А если кто придет?

— Я позову...

Астрову хочется есть, но он боится оставить канцелярию. Слава клянется, что ни на секунду не покинет комнату, и писарь уходит.

Теперь Слава один. Где депеша? Где полевая сумка? Депеша в полевой сумке, в планшете, а планшет командир полка унес с собой. Приказы... Что значат отпечатанные Астровым приказы в сравнении с приказом, только что полученным из дивизии! Слава уже вошел во вкус своей новой деятельности. На всякий случай берет по одному экземпляру всех приказов,

выкручивает из машинки закладку и в целях маскировки изымает лист бумаги и лист копирки, пусть Астров думает, что заложил не шесть, а пять экземпляров. Еще раз беглый осмотр стола...

Астров успевает вернуться раньше командира полка. На губах у него крошки картофеля.

— Никто не заходил?

— Кроме одного красного шпиона, никого.

— Вам все шуточки...

Видя доброе отношение командира полка к мальчику, он не осмеливается обращаться к нему на «ты».

Шишмарев возвращается со свитой, настроение у всех повышенное, должно быть, достали овес.

— А теперь у меня совещание, — обращается Шишмарев к мальчику. — Ты хоть не мешаешь, а не полагается.

— Пойду читать, — обиженно отвечает тот и тут же исчезает.

— Хороший мальчишка, — слышит он вслед.

Он уже у себя, в соседней комнате, на маминой кровати, с книгой в руке, прильнул ухом к стенке.

Он слышит, как собираются офицеры. Здравуются. Шишмарев молчит, и все молчат. Дожидаются.

— Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие... — Так или почти так. — Из штаба дивизии получено оперативное указание. Если командование армии примет решение отойти, ни в коем случае не стремиться к линии железной дороги, двигаться на Малоархангельск и дальше полевыми дорогами...

Слышно не очень ясно, Слава сам составляет фразы из отдельных слов.

— Простите, — перебивает кто-то из офицеров. — Я не понимаю: мы наступаем или отступаем?

— Пока наступаем, но... есть опасение, что наступление может захлебнуться. Не думаю, что имеется в виду общее отступление. Тактический маневр, с глубоким отходом от Орла, Курска.

— И даже Курска?!

— Попрошу к карте. Пока что идем вперед. Но если не удастся взять или обойти Тулу... Прошу проследить путь. Это оперативная карта. Прошу точно придерживаться...

Слава не очень-то хорошо разбирается, о чем идет речь, деникинцы наступают, о каком движении на Малоархангельск — непонятно...

9

Еще рано, еще рано за реку, но Слава уже собирается, страшновато, а собирается...

Вот дом Заузольниковых, у них квартирует Шишмарев, вот исполком, вот огород, почтмейстерская капуста, зеленые шары благоденствия, почта — и аллея. Сколько пар бродило по этой аллее! Направо Семичастная, а налево, налево долг, секрет, обман, слава и страх!

Куда Кудашкин приведет Гарбузу, известно, но вот откуда придет Быстров... Он всегда появляется неожиданно, и в этом прелесть приключения. Вчера прелесть, а сегодня смерть. Задача непосильная для

ума Славы. Быстров явится на свидание как ни в чем не бывало — и Гарбуза тут как тут! Слава тоже должен явиться... С Быстрым надо обязательно пови-даться, и в то же время нельзя, чтобы он появился на условленном месте. Задача: предупредить, увидеть-ся и не попасться. Сколько прочитано книг, и ни в од-ной подходящего рецепта!

Все, казалось бы, просто: на определенном месте и в определенное время должны встретиться двое...

Кудашкин, случайно увидев на опушке Быстрова, сообразил, что тот появился неспроста, и донес, а Шишмарев поручил дело одному из своих прибли-женных...

Как быть? Местонахождение Быстрова неизвест-но. Наблюдение за условленным местом установят заранее. Пойти раньше? Сразу вызовет подозрения, в лучшем случае его прогонят, а то и заберут. Не пойти — заберут Быстрова. Пойти в условленное время — заберут обонх. Пожертвовать собой, криком предупредить Быстрова... Но ведь Быстров является не минута в минуту и то с одной, то с другой сторо-ны. Орать в пустоту? Выдашь себя, и неизвестно, пре-дупредишь ли Быстрова. Предупредить надо заранее и так, чтобы деникинцы не могли предотвратить пре-дупреждения. Голова раскалывается от предположе-ний. Как быть? Как быть?..

Может быть, костер... Разжечь костер, и такой, чтоб не загасить, и так, чтоб не навлечь подозрений... Костер... костер! Вот когда пригодилась читанная-пе-речитанная приключенческая литература!

Прежде всего Петя, младший брат, у Пети каче-ство, которое никогда не подведет: Петя любит Сла-

ву. Просто любит. Значит, не предаст. Тех, кого любят, не предают. И Кольку можно. Колька хитрый и до того ненавидит всех богатых, что просто страшно, ненавидит всех, кто защищает это богатство. Колька подходит. Кроме того, он дружит с Петей. И кто-то еще... Андрей! Он подойдет — Андрей Терешкин. Андрей тоже смывленный...

Сложно все придумать, а иначе нельзя, и перепутать нельзя. Сперва Федосей, работник Астахова. Федосею Слава украдет табак, они друзья, Федосей уважает Славу за то, что тот грамотный, а держится с Федосеем на равной ноге.

Федосей чистит коровник. Лопатой шлепает навоз на носилки и волоком тащит за ворота, подводы на четыре уже навалил, поедет на хутор и заодно прихватит навоз.

— Федос Федосыч...

Уж ежели не просто Федос, а Федосыч, значит, Славе что-то нужно.

— Чаво тебе?

— Табак весь скурил?

Федосей поднимает голову.

— Выкладывай, выкладывай, чаво тебе?

— Ключ от мазута у тебя? Набери два ведра, Федосыч, а я тебе, честное слово, связку табаку украду.

— Мазут-то на что?

— Обещал отцу Валерию, он книги дает, а я мазут обещал.

— Отцу Валерию? — Федосей воплощение сарказма.

— Ну, Федосыч...

Уломать Федосея не такой уж большой труд, Фе-

досей набирает два ведра, ставит их за амбаром позади пасеки.

— Не видел и не слышал, попадешься Павел Федорычу, отпирайся сам...

— Спасибо, спасибо! Табак за мной...

С Петей и Колей более сложные переговоры.

— Петь, а Петь, отнесите ведра с мазутом. Но так, чтоб никто не видел. Будто Павел Федорович послал. Сперва огородами до Тарховых, оттуда через парк к Андрею Модестовичу, оттуда к запруде через речку и оставьте в кустах.

— Что ты надумал?

— Так нужно...

Упросить брата и его приятеля труднее, чем сговориться с Федосеем, тот проще, а эти хотят что-то знать. Приходится намекнуть: работники исполкома, мол, те, что скрываются по деревьям, сегодня ночью, возможно, вывезут из народного дома все имущество... Вот и нужен мазут, скрыть следы.

Верится не вполне, но мальчики принимают объяснение.

С этой минуты Слава чувствует себя настоящим вожакom.

— Возьми веревку, — приказывает он Андрею.

— Вережку-то зачем? — пугается тот. — Нету, у нас веревки.

— По воду ходите?

— Мать голову оторвет...

— Обратно принесешь.

Слава велит Андрею намотать веревку на себя под пиджак.

— Я выйду, а через пять минут — ты.

Часов у них нет, а время идет, и вечер уже не за горами, надо спешить.

— Встречаемся в парке, на главной аллее, у скамейки.

...Встречаются у скамейки. И тут Слава принимает гениальное решение, он не знает, что оно гениальное, что в нем спасение, выдумка продиктована озорством, все-таки ему четырнадцать лет, а не двадцать.

— Ты знаешь в Семичастной Кудашкина? — осведомляется Слава.

— Какого еще? Их там несколько.

— Захара. Противный такой. Тлю-лю-лю, тлю-лю-лю. Знаешь его избу?

— На взгорке?

— Сходи, хорошенько приметь — и к запруде.

— Зачем?

— Это же план, план, я все делаю по указанию...

Андрей скрывается в сторону Семичастной, Слава спускается к Озерне.

Запруду разворотили — когда девки купаются, они всегда все переломают, — перебрался по камням, промочил ноги, сразу к кустам... Есть! Молодец Петя: скажет — сделает. Всю жизнь таким будет, до самой смерти. Два ведерка... А вот и Андрей!

— Скорее! Еремеев ждет, велел взять ведра и наверх... Нашел избу?

— Чего ее искать!

Вот и лужаечка, место встреч с Быстровым, здесь его и будут ловить.

— А где Еремеев?

— Так он и будет сидеть ждать кого-то... Ты не понимаешь конспирации! Лезь на березу.

— Зачем?

— Еремеев сказал.

Андрей лезет, береза удобная, ветвистая.

— Спускай веревку.

Слава подвязывает ведро.

— Тяни!

— Я же перемажусь...

— Отмоешься. Мне нельзя.

Времени в обрез, но две березы успели облить ма-
зутом.

— Видишь? Все портки измазал, пиджак...

— Отмоешь, я тебе потом скипидару дам. Крути
веревку обратно. Теперь забирай ведра — и в Семи-
частную. Брось во двор Кудашкину и домой. На вся-
кий случай переоденься...

— А ты?

— У меня есть еще дела, Еремеев велел дождать-
ся его... Иди, а то еще поймают!

— А ведра — обязательно?

— Указание!

Вот-вот упадут сумерки, и Гарбуза придет в сек-
рет. Скорей бы разжечь костер, костры разжигать он
умеет, научился в ночном, тем более что спичек мож-
но не жалеть.

Теперь ходу, ходу!

Очень аккуратный мальчик Слава Ознобишин, ни-
где не перепачкался, не замарался, и руки чистые,
вот только ноги мокрые, но быть в море и не замо-
читься...

— Стой!

Сумерки уже обволакивают парк, и Гарбуза на

повороте, как черт из-под земли, и с ним десяток солдат.

— Откуда?

Он не успевает ответить.

— А это что?

— Что? Гулял...

Слава следует за взглядом Гарбузы... Ого! Вот это факел! Такие факелы не то что Быстрова, слепого остановят... Неужто это мы с Андреем? На мгновение Слава замирает от гордости, но через секунду гордость уступает место страху.

— А что это?

— Вот я тебя и спрашиваю!

Но это уже не Гарбуза. Ротмистр Кияшко, вот кто его спрашивает. Вот кто, оказывается, шел с Гарбузой брать Быстрова!

— Что это там за пожар?

— Я и не видел...

— Держите его покрепче!

Двое солдат ухватили мальчика за руки, хотя тут и держать нечего — пушинка!

Березки горят, как свечечки.

Кияшко оглядывает лужайку.

— Гарбуза, здесь?

— Так точно.

— Мазут! Кто поджег?

Тут-то и завершился гениальный замысел, не столько плод ума, сколь вдохновения.

— Сюда я не ходил, а в аллее видел...

Слава запнулся.

— Кого? Кого?

Кияшко наклоняется к мальчику, стеклянные гла-

за контрразведчика выкатились из опухших орбит и прострелили мальчика.

— Быстро!

— Кудашкин пробежал с ведрами.

— Какой Кудашкин?

— Тот самый, что указал место, — поторопился подсказать Гарбуза.

— Трех человек, быстро! — распорядился Кияшко. — Обыскать дом, надворные постройки, самого задержать... — Но мальчика Кияшко не собирается отпускать. — Твои прогулки тоже подозрительны. Придем в штаб, я у тебя карманы повыверну, пользуешься мягкостью подполковника...

Если Кияшко вздумает его обыскать, Слава пропал, у него на груди приказы, записи разговоров в штабе, тут даже Шишмарев не пожалеет.

— Что ты здесь делал?

— Гулял.

— А за речку зачем ходил?

— Я не ходил.

— А штаны где намочил?

— Лягушек ловил.

— Каких лягушек?

— Обыкновенных.

— Зачем?

— Играть...

Солдаты вернулись из Семичастной: Кудашкина дома не оказалось, но во дворе у него нашли ведра из-под мазута.

— Найти самого! — приказал Кияшко и повел Славу за собой, неплохой следователь, поднаторел в контрразведке, всегда действовал оперативно. —

Я еще тобой займусь, — грозит он. — Я тебя при подполковнике...

Совсем стемнело. Черные тени стелются по земле. Какая-то парочка шарахнулась в кусты, парочки бродят здесь даже в самое тревожное время.

— Стой! — вдруг взвизгнул Кияшко. — Что это?

Он даже выпустил Славу и ухватился за что-то в воздухе.

— Огня!

Гарбуза засветил спичку.

До чего ж они оказались кстати, милые лягушки! Ребята наловят, свяжут гирляндой и повесят поперек аллеи. Приятная неожиданность для гуляющих парочек!

Об этой шутке знали все, и все равно каждый раз прикладывались к лягушкам.

Кияшко лицом коснулся такой гирлянды, испугался и разозлился. Оказывается, этот щенок не соврал. Мерзость! За такие проступки не арестовывать, а давать по заднице... Кияшко схватил мальчика за плечо и закатил такого шлепка, что тот летом полетел в кусты.

— Похулигань еще у меня!

10

Ничего в темноте увидеть нельзя, и вдруг Слава почувствовал, как чья-то крепкая, сильная рука подняла его с земли, а другая слегка прикрыла ему рот.

— Тихо, — услышал он шепот.

— Степан Кузьмич?!

— Тихо!

Чудеса — из рук Кияшко прямо в руки Быстрова! Солдаты ушли. Где-то хрустнула сучьями спугнутая парочка. Вдалеке пролаяли собаки. И снова тишина...

— А теперь пошли.

Вот дом Введенского.

...Андрей Модестович не пользовался доверием Славы Ознобишина. Сын богатого священника, местного благочинного, он еще до войны окончил в Киеве Коммерческий институт, после смерти отца вернулся в Успенское, а теперь преподавал географию в местной школе. Держался он ото всех особняком, покажется с утра в школе, проведет уроки и тут же утащится куда-нибудь в степь стрелять дроф...

— Куда вы?

— Куда надо.

Дом прячется во тьме, лишь за одним окном мерцает лампа. Какая-то тень отделилась от стены, послышался шепот.

— Вы, Степан Кузьмич?

— Андрей Модестович!

Вот чудеса, оказывается, этот нелюдим связан как-то с Быстровым.

— Мы ненадолго.

— Да сколько хотите...

— Не зайдут к вам?

— Ко мне не ходят, слишком уж я на отлете.

В столовой беспорядок, все в пыли, немытая посуда, на столе мертвый гусь, при белых Андрей Мо-

дестович не охотится, бережет свое бельгийское ружье, откуда же гусь?

— Ну, Славка, докладывай.

— Вот приказы. Вчерашние. Черновики...

Слава с облегчением вытащил из-за пазухи бумаги.

— А пожар-то ты неплохо организовал.

Быстров редко хвалит, это награда.

— С чего это вдруг они устроили засаду?

— Кудашкин донес.

И Слава рассказал о предателе, о своем замысле, о ведрах.

— Могут расстрелять, — мельком замечает Быстров. — Все?

— Нет.

Перешли к главному, Слава рассказал о депеше, о совещании в шестнадцать ноль-ноль, о том, что говорил командир полка...

— Да это же важнейшее дело!

Слава сам понимает, что важнейшее.

— А как бы заполнить карту... Или приказ. Списать...

— Невозможно.

— А через невозможно? Давай взвесим, примеримся. Семьдесят семь раз примеримся... — Быстров раздумывает.

— Рискнешь?

— Рискну.

...Предстоит приключение. Приключение ужасное, потому что рисковать придется жизнью. Но никогда раньше Слава не предполагал, что приключения и арифметика сродни. Быстров все прикидывал, прики-

дывал разные возможности, заставлял вычислять и считать.

— Здесь, брат, без подсчета не обойдешься. Или пан, или пропал. Комната, окно, палисадник, забор, улица, Заузольниковы, исполком, бугор, овраг... Это география. Тут, брат, без секундомера не обойдешься...

Для чего секундомер при похищении секретного документа из белогвардейского штаба?

— Доступа к нему ты не получишь, значит, надо улучшить момент и взять. Схватить — секунда, к окну — секунда, выпрыгнуть — секунда. Три секунды! Через палисадник, сквозь кусты — минута. Даже полторы. Преодолеть забор — минута. Улица — две, даже три минуты... Одному не взять, пуля обгонит. Нужна хитрость. Знаешь, что такое эстафета? Видел я соревнования в армии. Бегут четверо, передавая друг другу вымпел.

Быть может, Быстров и не говорил такого слова, быть может вспоминая этот случай, Слава приписал Быстрову этот термин, он и сам позже узнал точное значение этого слова: командное соревнование в беге, в котором на каждом этапе сменяется бегун, передающий своему товарищу какой-либо предмет... Спорт вошел в повседневную практику, когда Ознобишин уже ушел с комсомольской работы, ни в одной спортивной эстафете ему никогда не пришлось участвовать, но то, что предлагал проделать в этот раз Быстров, было самой доподлинной эстафетой, так что и Славе Ознобишину однажды в жизни пришлось-таки принять участие в эстафете, только приз, который предстояло в ней завоевать, был не ка-

кой-нибудь кубок или диплом, а его собственная жизнь...

— Меньше чем вчетвером не обойтись. Парни должны быть верные. Кого ты предлагаешь?

— Колька Орехов. Колька маленький, но злой. Этот годится. Саплина бы из Критова. Соснякова...

— А Терешкин?

— Струсит.

— Орехова возьмешь на себя. А Саплина и Соснякова я обеспечу.

Это тоже все чудеса. Критово в семи верстах, Рагозино в двенадцати. А время не ждет. Но если Быстров сказал, значит он хоть из-под земли, но достанет Саплина и Соснякова.

— Встретитесь завтра у школы после обеда. Мол, пришли узнать, когда начнутся занятия. А вечером — за дело. Всем быть в светлых рубашках. Саплина и Соснякова я предупрежу. И никаких фантазий. Одному ничего не предпринимать, все провалишь. Это приказ, понятно?

...Домой Слава явился как ни в чем не бывало. Все шло заведенным порядком. Только что кончили ужинать. Вера Васильевна ушла к себе. Павел Федорович стоял у притолоки, курил и рассказывал Петю, почему он не стал учиться. «Деньги считать можно и без ученья». Петя сидел на лавке и скучал. Надежда толкла в чугуне картошку, свиньям на утро. Федосей в закутке плел чуни.

— Пришел? — иронически спросил Павел Федорович. — Надежда, дай ему поужинать.

— Я ужинал, — отказался Слава. Никто не поинтересовался где. Он не ел с обеда, но есть не хотелось, нервное возбуждение отбило аппетит.

В штабе тоже ужинали. Бумаги на большом столе сдвинуты, Ряжский и еще два офицера ели нарубленную на мелкие кусочки и поджаренную с картошкой свинину, перед ними стояла бутылка самогона, пили из рюмок, одолженных у хозяев. Шишмарев не допускал свинства, сам он и Кияшко сидели тут же, но не ели: они ужинали у себя на квартирах.

Разговор вел Кияшко, все прикидывал — что правда и что неправда, донос Кудашкина вызывал сомнения, странный пожар... Шишмарев отмалчивался, верил только своим умозаключениям.

Слава тихо стал у порога, но Кияшко сразу его заприметил.

— Поди, поди, Расскажи, для чего ты лягушек ловишь...

Противно и жестоко вязать лягушек гирляндами, но сегодня приходится взять это на себя.

Шишмарев брезгливо пожал плечами:

— Для чего?

Ряжский услужливо рассмеялся.

— Парочка идет по аллее, а их по губам, по губам... Лягушками!

Шишмарев неприязненно взглянул на Ряжского.

— Вы находите это смешным?

Всем стало не по себе. Кудашкин донес, что в лесочке по вечерам появляется один из руководителей местных коммунистов, указал место, а секрет, направленный для поимки, нашел там огромный костер.

У каждого своя версия. Кудашкин хотел заманить

солдат? Кулацкий подголосок и большевик? Глупо! Все предположения несуразны. Ряжский и его сотрапезники мололи языками, Кияшко прислушивался, Шишмарев думал сам по себе.

Ворвался Гарбуза.

— Разрешите... Поймали!

Кудашкин и не думал скрываться. Сам пришел в штаб поинтересоваться — живым взяли «убивцу» Быстрова или пристукнули.

— Для чего ты сказал, что в лесу прячется комиссар? Как у тебя очутились ведра?..

Запутали вопросами, заплакал мужик.

— Истинный бог...

— Бог истинный, а тебя судить будем военным судом. Разберемся!

Кияшко приказал запереть Кудашкина в амбар.

...Вера Васильевна не спала, даже не раздевалась. Сидела на клеенчатом диване и ждала сына.

— Ты почему не спишь? — с досадой спросил мальчик.

— Нам надо серьезно поговорить, Слава. Неужели я не вижу, как ты нервничаешь. Что с тобой? Маленький, не таись, признайся, ты меня так беспокоишь...

Ах, этот мамин голос, всегда ласковый и тревожный!.. Не может, не может ничего сказать Слава. Не имеет права!

— Какие глупости, — говорит он нарочито грубо. — Вечно ты выдумываешь...

Даже не поцеловал ее перед сном, сердится за то, что не сумел скрыть своего возбуждения. Разделся, лег, его познабливало, давали знать нервы. За сте-

ной тихо. Спит Ряжский, он ночует при штабе, спит дежурный телефонист... Засни и ты, неизвестно еще, как обойдется все завтра!

11

Проснулся Слава ни свет ни заря: за стеной звонил телефон, раньше обычного появился Шишмарев.
— Выступаем, — уловил Слава.

Оделся поскорей и неумытый явился приветствовать Шишмарева.

— С добрым утром!

— А! — рассеянно промолвил тот. — Прощаться пришел?

У Славы замерло сердце.

— Почему?

— Выступаем.

— Куда?

— На Тулу, братец, на Тулу, массированный удар!

— А когда?

Шишмарев усмехнулся.

— Военная тайна, братец!

Слава покраснел, насупился, отвернулся — все летит к черту!

— Обиделся? Плохой ты военный... Ну, ничего, еще целый день впереди, завтра на рассвете...

Сразу отлегло от сердца. Значит, еще не поздно! Суетились писари, офицеры, телефонисты: гото-

вились к выступлению, лихорадка движения уже овладела людьми. Слава побежал искать Кольку, тот вместе с Петей запускать на бугре змея, змей жалкий, маленький — листок из тетрадки — крутился над ветлами.

— Коль, ты нужен!

Петя удивленно взглянул на брата.

— А я?

Слава не хотел обижать брата.

— Тебе будет другое дело...

Велел Коле сразу после обеда быть у школы.

Тут внимание мальчиков привлек шум возле волости. Мужиков двадцать сгруппировались на утоптанной площадке, столько же солдат стояло у крыльца, двое ставили скамейку, Кияшко дирижировал стеком, и вот от Астаховых показалось шествие — Кудашкин в сопровождении четырех конвоиров.

«Да ведь его же пороть, — сообразил Слава. — Впрочем, так и надо...»

Кияшко что-то крикнул, Кудашкин взметнулся, повалился ему в ноги. Кияшко крикнул опять, и солдаты подняли Кудашкина. К скамейке подошел ефрейтор, Слава подумал, бить будут шомполами. Он не представлял себе, как бьют шомполами, но солдат взмахнул кавалерийской плеткой, и Кудашкин сразу же заорал...

Удары можно было отсчитывать по его воплям: удар — ай! — удар — ой! — удар — ох! — удар — о-аа!..

— Противно, — сквозь зубы процедил Слава.

— Жалко, — пожалел Колька.

— Жалеть-то нечего, — с презрением сказал Слава, — Кудашкин — предатель.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю...

И вдруг...

Кудашкин сорвался со скамейки и побежал в сторону Поповки, придерживая сползающие портки. Трое или четверо солдат кинулись было вслед.

— Отставить! — возбужденно и весело остановил их Кияшко. — Черт с ним!

Он вытянулся перед мужиками, поднял стек, салютуя им, как шпагой.

— Эй, вы!.. Цените великодушие нашей армии!

Мужики, конечно, оценили, расходились потихоньку, чтоб не разозлить лихого ротмистра, — тише едешь, дальше будешь.

Пошли восвояси и мальчики.

Слава оказался перед школой еще в полдень, но что удивительно, почти одновременно появились Саплин и Сосняков. Можно только подивиться, когда и как успел их оповестить Быстров, а может быть, даже помог добраться до Успенского? Позже всех пришел Колька, даром что всего лишь перебежать овраг.

Четыре комсомольца скрылись за дверью, присели на ступеньки лестницы. Их командир достал из кармана листок и карандаш, начертил план операции, придуманной накануне Быстрым.

— Если бы кто из нас взялся выполнить поручение самостоятельно, его неизбежно подстрелили бы. Успех зависит от того, насколько дружно мы будем действовать, действовать вчетвером, но так, чтобы

белые думали, будто здесь один человек. Я хватаю сумку, прыгаю в окно, замираю в кустах. В это мгновение Кирилл, притаившийся под окном, перепрыгивает за забор и скрывается позади хаты Волковых. Коля бросается к дому Заузольниковых и ныряет в крапиву, а с бугра вниз бежит Иван. Понятно? Белые должны думать, что бежит один человек, фигур в темноте не разглядеть, видна будет только светлая рубашка. Стрелять будут, но четверо избегнут задержек, которых не избежал бы ни один из нас, действуй он в одиночку...

— А что мы будем друг другу передавать? — поинтересовался Сосняков.

— Ничего, — сказал Слава. — Ваша задача: заставить белых преследовать «похитителя», в то время как я...

— Что ты?

— Буду выполнять другое задание...

Всем страшновато, и не так-то уж они между собой дружны, но Ознобишин знал, кого выбрать, они все преданы идее, за которую поклялись отдать жизнь.

Слава тронул Саплина за плечо.

— Сумеешь спрятаться в палисаднике?

У Саплина только глаза блеснули.

— Яблоко, что ли, не воровал?

— Время? — деловито спрашивает Сосняков.

— Часами пока не обзавелись. Как стемнеет, сразу быть наготове.

Условились, с сумерками каждому быть на своем месте...

...Вот уже все уложено. Даже «ремингтон» упаков-

ван и перевязан веревкой. Шишмарев что-то грустен. Ряжский озабочен. Зашел Кияшко, пошнырял по комнате пытливыми глазами и ушел. Заходили ненадолго офицеры, прибегали за приказами солдаты. Вошел Слава, прошелся по комнате, постоял у фикуса, сел у стола. Шишмарев, поглощенный горячкой сборов, нет-нет да и взглянет на мальчика.

Конечно, офицер, деникинец, враг мировой революции, но все-таки неплохой человек, не позволил бить даже Кудашкина.

— Пришло, Славик, время расстаться. Очень уж ты похож...

Не сказал на кого. Трогательно. А Славка хочет сделать Шишмареву подлость... Только очень трудно. Карта в планшете, а планшет на ремне через плечо.

— Ты пиши стихи, упражняйся, — говорит Шишмарев. — Может, и выйдет из тебя что-нибудь. Напишешь «Воспоминания о селе Успенском».

Неожиданно снимает планшет, отщелкивает кнопку, достает и разворачивает карту. Вся она исчерчена — и синим карандашом и красным.

— Вот оно... Успенское! Придется ли еще сюда попасть? А мои далеко, во Владимире. Неподалеку от Золотых ворот. Второй год не видел сына. Тоже хороший мальчик, — вздохнул. — Ничего не поде-лаешь, я солдат...

Вошел Ряжский, резко, как выстрел, хлопнул себя ладонью по ляжке.

— А у меня идея, Евгений Антонович! Возьмем парня с собой.

— То есть?

— Мало ли мальчишек у нас в войске? — Ряжский подмигивает Славке. — Поедешь?

— Поеду...

Поеду — и глядит на планшет!

Шишмарев опять вздыхает... Который раз!

— Нет, Михаил Гурьевич. Здесь у него дом, семья. А с нами — неизвестность...

— Поступит в Москве в кадетский корпус.

— Если придется... — Шишмарев проводит пальцем по красной черте. — Здесь у него мать. Вы знаете, что такое мать?

Поглощенный планшетом, Славка забыл о матери.

— Ох!

— Что?

— Наши небось поужинали!

— Ну, беги, беги!

Он совсем позабыл о матери. Совсем. Скоро решающий момент. Должен же он по крайней мере попрощаться?...

Мамы нет за стенкой. Нет ее и в кухне. Там действительно только что поужинали. Но есть он не хочет. Просто не может. Все его существо приковано к планшету. Мамы нет и в галерейке.

Она на крыльце. Сидит в темноте. Сжалась. Маленькая такая...

Слава бросается к ней, и его обдает волной неистребимой любви.

— Мапочка!

Мать молча подвигается, хотя на скамейке много места и справа и слева.

— Не сердись на меня...

— За что?

Молчание.

— Ты что-нибудь сделал?

Слава виновато улыбается.

— Нет... Я просто так.

Вера Васильевна тревожно придвигается к мальчику.

— Слава, что ты задумал?

— Ничего.

— Задумал...

Притягивает сына к себе... Боже мой, как она его любит!

— Ты хочешь уйти с этими...

Она ничего не слышала. Не могла слышать. Она никогда не слушает ничьих разговоров. «Подслушивать... до чего же это мерзко!» — говорит она. И ее даже не было сейчас за стеной.

— Ты хочешь, чтобы тебя взяли, — повторяет Вера Васильевна... Материнская прозорливость! — Ты скоро уйдешь, я знаю. И от меня и от Пети. Но ведь это авантюристы...

— Никуда я не уйду, — заверяет Слава. — Просто взгрустнулось...

Прижимается к матери. Какая же она маленькая! Такая маленькая и нежная...

Мамочка, прости меня! Но иначе я не могу. Я всегда буду тебя огорчать и тревожить, но иначе я не могу. Прости, если меня сегодня убьют. Прости, если убьют завтра. Прости за все то горе, которое я тебе причиню.

Надо идти!

— Пусти, пойду посижу там...

— Только не выдумывай глупостей!

— Нет, нет...

Зал выглядит торжественно. Две лампы-«молнии» горят ярким светом. Фикус растопырился, как на балу. Астров до сих пор не ушел, сидит в обнимку с машинкой. Ряжский пишет, опять, должно быть, сочиняет очередной приказ. Незнакомый, совсем юный и, похоже, очень злой прапорщик склонился над плечом Ряжского.

Шишмарев говорит по телефону:

— По направлению к Новосилу. По направлению к Новосилу. Ваш батальон выступает к Сковорчому и сворачивает на Залегощь. Рота охраны снимется позже...

Карты на столе нет. Карта в планшете. Планшет на столе. Не медли! Не медли! «Воспоминания о селе Успенском»... Страшно? «Вы знаете, что такое мать?» Но я иначе не могу. Да и Шишмарев неплохой человек. Желает мне добра. Может быть, его тоже скоро убьют. Не медли! Решись, решишь! Хороших людей много, но я действую во имя высшей цели. Во имя высшей цели...

Шишмарев замечает мальчика и улыбается, продолжая говорить по телефону.

Слава тоже улыбается Шишмареву, проходит к открытому окну, распахивает рамы пошире, высовывается.

Правее, в кустах, на корточках сидит Саплин. Слава замечает его только потому, что знает о присутствии Саплина.

Надо бы его как-то предупредить...

— Темно, — многозначительно и громко произносит он.

Страшно. Не хватает решимости. Он уже ни о чем не думает.

А ну!

Подскакивает к столу, хватая планшет и стремя-глав бросается в окно.

12

Нестерпимо хочется бежать, но Славка точно выполняет приказ Быстрова. Выполняет, почти не думая, — притиснувшись к стене, ложится под куст.

И в тот же миг, когда он сваливается из окна, вскакивает Саплин и, раздвигая кусты, бросается через сад к забору.

На мгновение все замирает в оцепенении.

Но уже в следующее мгновение щелкает выстрел.

— Стреляйте же, стреляйте! — слышит мальчик голос Шишмарева. — Там же оперативная карта!

Ряжский высовывается в окно.

— Он у забора!

— Да отойдите же!

Незнакомый прапорщик выпрыгивает в сад.

Раз! Два!

Он дважды стреляет в темноту по белеющей в темноте рубашке Саплина.

Слава слышит, как трещит забор.

Ряжский прыгает в окно.

Шишмарев, должно быть, пробежал через дверь. А белая рубашка пересекает уже улицу, приближается к Зауольниковым.

— Да стреляйте же! — доносится отчаянный крик.

Значит, Саплин передал «эстафету».

Выстрелы слышны уже совсем вдалеке.

Коля сделал свое! Стреляют по Соснякову, петляющему где-то в овраге...

Теперь не поймать!

Слава ползет вдоль фундамента, заворачивает за угол, отодвигает заранее отбитую планку, вылезает на огород Волковых. По канаве, мимо Тарховых, к церкви...

Но не успевает он подняться, как его принимают чьи-то руки... Быстров!

— Давай!

Он отдает планшет. Дело сделано, теперь можно подумать о себе. Но о нем подумали и без него.

— Быстро! К Введенскому. Стукнешь в крайнее окно. Три раза. Делать все, что тот скажет.

Подтолкнул Славку — ни «здравствуй», ни «прощай» — и исчез в темноте. Так же внезапно, как появился.

Темно, но на всякий случай дорогу Славка перебегает. Одиноко белеет церковь. В парке хоть глаз выколи. Дом Введенского не сразу найдешь, ни огонька в окне, да и какое окно крайнее? Четыре стены, и в каждой по два крайних окна. Слава все-таки выбирает крайнее от парка, по его расчетам — спальню Андрея Модестовича.

Тук. Тук. Тук...

Дверь открылась.

Голос с крыльца:

— Степан Кузьмич?

— Это я, — отзывается Славка.

— А-а!..

Введенский не приглашает его в дом. Сошел с крыльца. Чиркнул спичкой, осветил на секунду мальчика.

— Очень приятно.

— Что приятно?

— Нет, ничего, это я так. Идемте.

— Куда?

— В баню.

Он действительно ведет мальчика к небольшой баньке, что стоит на отлете от дома. Радостный визг встречает Славку. Возле бани, оказывается, у самого входа, привязан Бобка.

— Заходите, заходите, — строго командует Введенский. — А то собака поднимет шум... Заходите же! Темно, но не беспокойтесь, чисто. Здесь вы будете жить. Вы курите?

— Нет.

— Очень хорошо. Огонь зажигать нельзя. Дверь не заперта, но сюда никто не войдет. Утром я вас навещу.

Слава переступил порог, и дверь за ним тотчас же закрылась. Мрак. Пахнет сырым деревом. Вытянул руку, нащупал скамейку. Шагнул. Еще скамейка застелена не то половиком, не то какой-то попоной. В темноте отыскал дверь в баню. Принес из предбанника попону, ощупью нашел полук, залез по ступенькам на верхнюю полку. Постелил, лег. Не страш-

но, а одиноко. Мама сейчас ужасно переживает. Ничего, завтра он как-нибудь даст о себе знать. Захотелось заплакать, до того одиноко. Нечаянно всхлипнул, оказалось нервное напряжение. Припомнились события минувшего дня, полезли в голову посторонние мысли, раздумья о том, что случилось и чему еще предстоит случиться, чередовались с калейдоскопической непоследовательностью. Мальчик подогнул ноги, шмыгнул носом и заснул...

* * *

Когда Славка выпрыгнул из окна, всех, кто находился в штабе, на мгновение охватило оцепенение. Никто сразу ничего не понял. Раньше других пришел в себя Шишмарев. Он привык к неожиданностям войны и поэтому почти без промедления сообразил, что произошло. Встретил милого, скромного, культурного мальчика, да еще похожего чем-то на собственного сына, расчувствовался, размяк, потянуло к семье, сказалась усталость кочевой жизни. Вообразил, что мальчик испытывает такие же чувства.

Шишмарев тут же подскочил к окну, выхватил револьвер и крикнул:

— Стреляйте же, стреляйте! Там оперативная карта!

Надо отдать справедливость, и прапорщик Численко и Ряжский без промедления кинулись вдогонку за мальчишкой.

Но это оказался какой-то бес! Не успел выпрыгнуть, как перескочил через забор, даже не споткнулся, молнией пересек улицу, скатился в овраг, а там...

Поминай как звали! Растворился во тьме и был таков... Несомненно, у реки его ждали.

Преследователи постреляли, постреляли и вернулись ни с чем. Шишмарев озверел, попадись ему сейчас под руку этот милый мальчик, он бы его пристрелил.

На выстрелы прибежал вездесущий Кияшко. В расстегнутом кителе, без фуражки. Пришлось рассказать. Кияшко только присвистнул.

— Я вас предупреждал...

На поиски не оставалось времени, на рассвете полк выступает. Речь могла идти только о возмездии. Кияшко предложил сжечь Астаховых: дом, амбары, сарай — словом, все. В пылу гнева Шишмарев готов был согласиться, но тут в комнату ворвался Павел Федорович.

— Да вы что, в уме? — возопил он. — Жечь своих?!

Шишмарев сразу взял себя в руки, волевой человек, распускаться на войне не приходится.

— Вы откуда взялись?

— Из соседней комнаты! — выкрикнул Павел Федорович. — Очумели, что ли, если паршивый мальчишка помутил вам рассудок?!

Павел Федорович вне себя, терять ему нечего — что он без дома, без хозяйства? Он костями ляжет за свой дом.

Шишмарев оборвал:

— О чем вы?

— О том, что жечь хотите!

— Подслушивали?

— Да как же не подслушивать?! Я в своем дому, и меня жечь...

— Ну, это еще не решено, — сказал Шишмарев. — Ваш племянник, я уж не знаю кем подосланный, обокрал штаб.

— Да какой он мне племянник! — завопил Павел Федорович. — Пришей кобыле хвост, вот он кто мне! Привез брат, подобрал их, голодных, и оставил! Какое я имею к ним отношение?

— А вот найдите мальчишку, — вмешался Кияшко, — тогда поверим вам...

— Да где ж я его возьму? Он сам рад меня сжечь! Гольтепа! Разве генерал Деникин за то, что бы жечь помещиков?

— Но ведь вы не помещик, — сказал Шишмарев. — Вы кулак, торгаш...

— А кулаки Деникину разве враги?

— Не кричите, — сказал Шишмарев. — Вы лучше помогите найти...

— Мне он не исповедуется, — не без насмешки уже отозвался Павел Федорович. — Спросите мать, может, та знает.

— Правильно! — подхватил Кияшко. — А ну, Астров, позвать!

Астров нашел Веру Васильевну в галерее, она стояла и вслушивалась в темноту.

Астров тронул ее за плечо.

— Просят...

— Да, да, — тотчас отозвалась Вера Васильевна. — Я понимаю.

Вошла в зал. Шишмарев всегда очень любезный, на этот раз не предложил даже сесть.

— Вы знаете, что сделал ваш сын?

— Нет.

— Похитил очень важный документ.

Вера Васильевна пожала плечами.

— Где он?

— Не знаю.

Тут опять вмешался Кияшко:

— Мы поведем вас по селу, и вы будете громко его звать.

— Нет, — сказала Вера Васильевна.

— Значит, вы с ним заодно?

— Нет.

— Тогда вы поможете его найти.

— Нет.

— Да что вы заладили все нет и нет... — рассердился Шишмарев. — Он у вас лжец, вор и обманщик!

— Нет.

Кияшко гадко усмехнулся.

— А вы...

— Ротмистр, без оскорблений! — вмешался Шишмарев. — С женщинами я не воюю.

— Она такая же предательница, как и ее сын, — ответил Кияшко. — Астров, выведите ее и посторожите. И вы тоже уйдите, — сказал он Павлу Федоровичу.

Офицеры остались одни.

Астров застыл у двери, шутки с Кияшко плохи. Вера Васильевна и Павел Федорович безучастно смотрели на Астрова, только Вера Васильевна ушла в себя, а Павел Федорович старался не пропустить ни слова из того, что говорилось за дверью.

Офицеры совещались вполголоса.

— Преступление не может быть оставлено без возмездия, — сказал Кияшко.

Шишмарев не ответил.

— Передайте ее в контрразведку, — сказал Кияшко.

— То есть вам? — спросил Шишмарев.

— Вот именно, — сказал Кияшко.

— А что вы с ней сделаете? — спросил Шишмарев.

— Повесим, — сказал Кияшко.

— Она ни в чем не виновата, я уверен, — возразил Шишмарев. — Она ничего не знала.

— Это не имеет значения, — сказал Кияшко. — Я устрою так, что мальчишка найдется.

— Каким это образом? — недоверчиво спросил Шишмарев.

— Очень просто, — сказал Кияшко. — Оповещу и Успенское и Семичастную. Это нетрудно. Если к десяти ноль-ноль Вячеслав Ознобишин не явится с повинной, его мать будет повешена.

— Но она не будет повешена? — спросил Шишмарев.

— Будет, — сказал Кияшко. — Если преступник не явится, я повешу его мать, иначе население перестанет верить в неотвратимость возмездия.

Наступило молчание. Павел Федорович прислушивался уже совсем откровенно.

— Делайте как знаете, — устало согласился Шишмарев. — Штаб выступит на рассвете, не хочу видеть, как будут вешать невинную женщину. Я оставляю вам взвод охраны, закончите все и нагоните нас в Скворечем.

— Отлично, — сказал Кияшко не без насмешки. — Кур все мы едим, а зарезать курицу не позволяют нервы...

Дверь распахнулась, и Кияшко встал на пороге.

— Вот что, Астров... — Кияшко указал на Веру Васильевну. — Возьмите двух солдат и отведите ее в амбар, запирайте, а ключ принесите мне.

— Ну и правильно, — угодливо поддакнул Павел Федорович: была бы лишь цела своя шкура.

Кияшко бросил на него подозрительный взгляд.

— Вас самого надо посадить!

— А меня за что?

— А чей был мазут, которым разжигали костер? Топливного мазута, кроме как у вас, ни у кого нет на селе. Я выяснял. Да и ведра у Кудашкина оказались ваши, клейменные.

— А при чем тут я? Это мой работник, Федосей. Сам мне признался, что дал ребятам мазута...

Это совпадало с тем, что узнал Кияшко.

— А ну-ка, Астров, посадите заодно и Федосея, — распорядился он. — Все барыньке будет не так скучно.

13

Громадный двор наполнен шорохами, тенями, опасностями. Петя выскочил во двор, осмотрелся...

Что наделал этот дурак Славка, Петя не очень

понимал. Но, наверное, что-то серьезное, более серьезное, чем тогда, с пожаром... На ступеньке у крыльца часовой. Даже без винтовки. Сидит себе и попычивает сигаркой.

— Ты что, мальчик?

— Ничего.

— Гуляй себе.

Вот Петя и гуляет. Перед часовым. Тот и внимания не обращает на мальчика. Петя делает зигзаг к сараю. Прямо белеет амбар. Возле никого, да и зачем? Там болты и замки, как в средневековом замке, ни сломать, ни взорвать, а ключи в кармане у Княшко. Петя перебегает лунную дорожку, обитая железом дверь отходит вниз, Петя ложится на землю, прикидывает лицом к щели и громко шепчет:

— Мамочка! Мама!

— Я здесь, здесь, — слышит он совсем рядом, мама ласковыми пальцами притрагивается к его лицу. — Петенька.

Петя деловой человек: мама способна долго говорить нежности, а ведь всегда могут подойти и прогнать.

— Ты, мама, говори, а то еще прогонят.

— Славу не поймали?

— Ну что ты!

— Ты знаешь, где он?

— Разве он скажет?!

— Постарайся его найти. Сходи к его приятелям, где-нибудь же он прячется, не мог далеко уйти... Скажи, чтоб не появлялся, пока белые не уйдут из села. За меня пусть не беспокоится. Это все пустые угрозы, чтобы выманить Славу. Мне ничего не сделают. А его

могут убить. Но если Слава выдаст себя, это меня действительно убьет...

— Хорошо, мам.

— Ты не медли...

— А табачку у тебя нет? — откуда-то из глубины подает голос Федосей.

У Пети есть самосада закурки на две, но он боится признаться, мама расстроится.

— Отсыплю у Павла Федоровича, — обещает он. — Я еще прибегу.

...Луна обмывает своим серебряным светом крыши, деревья, заборы, все такое белое, точно в театре, нельзя поверить, что кому-то сейчас грозит опасность.

— Петенька...

Как мама умеет это необыкновенно сказать!

— Иду, иду...

— Прощай, маленький...

Что-то теплое щекочет его лоб... Мама плачет!

— Ну, беги...

Он вприпрыжку пронесся перед часовыми, на секунду остановился на лужайке — направо? налево? — и свернул к Ореховым.

Там уже всё знали. Колька сидел в углу, закутанный в отцовскую свитку, какой-то чудной, взъерошенный.

— Пойдем, Коль? — позвал Петя. — Сбегаем к Ваське?

— Никуда он не пойдет! — взорвалась мать. — Набегался! Пропорол себе руку!

— Где? — шепотом спросил Петя.

— Пуля, — прошептал Колька, еле шевеля губами, так что Петя скорее догадался, чем услышал.

И сколько же гордости в этом его ответе!

— Чего шепчетесь? Чего шепчетесь? — Это уже Колькина мать. — Я вам пошепчусь...

Пете пришлось одному бежать и к Лавочкиным, и к Тулуповым, и к Терешкиным.

Везде уже знают, что Славка Ознобишин что-то натворил и удрал, и Веру Васильевну повесят, если он не явится утром с повинной.

Где только Петя не побывал: обежал чуть не все Успенское и Семичастную, но Славка точно в воду канул. Домой Петя вернулся за полночь. Проходя через площадь, увидел солдат, вбивавших в землю столбы. Сперва он не сообразил, в чем дело, но, когда увидел, что меж столбов прибивают перекладину, догадался и побежал.

В зале горел свет, там не спали. Петя заскочил в спальню, перевел дух и отправился к матери, чтобы рассказать о безуспешности поисков да заодно угостить Федосея табачком. Но едва он вышел на галерею, как услышал Кияшко:

— Ты куда?

— На двор.

— Иди-ка обратно, дотерпишь до утра.

Пришлось вернуться к себе, прикорнуть на лежанке.

...Под утро в штабе поднялась возня, начали выносить тюки: Шишмарев говорил с Кияшко. Как будто они спорили. Потом все стихло.

— Ну, с богом, — снова услышал Петя голос Шишмарева, стукнули отодвинутые стулья, потом хлопнула дверь, и опять наступила тишина.

Петя соскочил с лежанки. Пойти к амбару он не решился: посадят еще самого, и дело не будет сделано. Выскользнул в окно, побежал на Поповку.

Стесняться уже не приходилось, бесцеремонно постучал к Тарховым. Потом обошел все дома. Славки, конечно, там не было и в помине. Напоследок решил заглянуть к Введенскому. Тот тоже ничего не сказал Пете: он не видел Славки, но, когда Петя рассказал о поручении Веры Васильевны, попросил его подождать в кухне.

...Что-то разбудило Славку, а что, он не мог понять. Открыл глаза. Тусклый рассвет пробивался сквозь крохотное оконце. На дощатом потолке, над самым лицом висела большая капля воды. Сырость сочилась из всех досок.

Славка вздрогнул, спустил ноги на нижнюю полку, сел. Надо подумать о том, что ему теперь предстоит. Прежде всего мать. Она сейчас с ума сходит от тревоги. Нужно как-то поставить ее в известность, что он цел и здоров. Самому показываться нельзя, если даже полк уйдет, неизвестно еще, кто останется в селе. Прислушался. Тихо. Лишь шуршало что-то за стеной. Ветерок ли постукивал о крышу ветвями ряжей рябины, воробьи ли шмыгали и тюкали клювами по застрехам...

Андрей Модестович тоже, оказывается, не спал. В руках у него тарелка с хлебом и стеклянный кувшинчик с молоком.

— Как спалось? С добрым утром, Слава. Поешьте.

— Да я не очень...

Хлеб несвежий, молоко такое холодное, что озноб по телу. Лучше бы попросить Введенского сходить к Астаховым, передать Вере Васильевне, пусть она не тревожится. Но он только спросил:

— Ничего не слышно?

— Как не слышно, — усмехнулся Андрей Модестович. — Приходили ночью, спрашивали — не видел ли случайно вас.

— А сюда никто...

— А зачем им сюда? Никто всерьез и не предполагал, что вы можете ко мне забрести.

— Значит, мне...

— Сидеть — и ни гугу. Только я сейчас попрошу вас, пройдемте в дом.

Совсем светло. Зеленый бодрый мир. Трава, кусты, деревья — все покрыто росой, все мокрое, свежее, утреннее. По узкой тропинке Слава прошел к дому. Андрей Модестович распахнул дверь.

— Прошу.

В столовой, как всегда, беспорядок, на столе ералаш.

— Садитесь.

Что-то Введенский очень уж торжествен.

Слава сел на стул, против него опустился Андрей Модестович.

— Я считаю своим долгом... Видите ли, Степан Кузьмич запретил вам с кем-либо встречаться и куда-либо вас отпускать. Пока сам не придет за вами. Он сказал: «Вы мне за него отвечаете. В крайнем случае возьмите ружье и стреляйте, если кто придет, но сохраните мне мальчика». Я считаю своим долгом... Я не состою в партии и не связан партийной дисципли-

линой. Но я дал слово вас уберечь и хочу уберечь. Однако бывают исключительные обстоятельства. Вас повсюду разыскивает брат. Он обежал все Успенское, всю Семичастную...

Ах вот в чем дело! Быстров не велел никого к нему допускать, а Введенский хочет сделать исключение для Пети. Очень кстати. Петя и передаст маме, что все в порядке.

— Дело в том, что вашу мать... Веру Васильевну... должны сегодня повесить.

— Что-о?!

— После того как вы... После того как вы совершили свой поступок... в штабе, естественно, поднялся переполох. Я уж не знаю, что там произошло, но Веру Васильевну посадили в амбар и объявили, что, если вы сегодня утром не явитесь, вместо вас будет повешена мать. Так вот, я считаю своим долгом довести об этом до вашего сведения. Лично я не сумел бы жить на свете, зная, что моя мать повешена, а я мог ее спасти и не явился. — Андрей Модестович встал и, опершись о край стола обеими руками, раздельно сказал: — Поэтому я вас не задерживаю. Если хотите видеть брата, я позову, хотя я и не сказал ему, что вы у меня.

— А сколько сейчас времени? — встрепнулся Слава.

— Казнь состоится в десять, сейчас восьмой...

— Позовите!

Введенский вышел, вошел Петя. При виде брата он шмыгнул носом.

— Слав!

— Я все знаю.

— Мама велела сказать, чтобы ты ни за что не показывался. Она сказала, ей ничего не сделают...

Славка посмотрел Пете в глаза.

— Ну, а ты — ты пошел бы, если бы маму вешали, или остался сидеть в бане?

Петя отвел глаза. Он не верит, что Славка или мама могут умереть, ему жалко обоих.

— Ты пошел бы?

— Не знаю... — Петя задрожал. — Мама сказала, если ты пойдешь, это ее убьет.

Этот Петька ничего еще не понимает! Надо вести себя так, как Печорин перед пистолетом Грушницкого, как Лермонтов перед Мартыновым, никому не показать, как разывается твоя грудь...

— Иди, Петя. Ты можешь подойти к амбару?

— Попробую. Маму заперли, а ключ у этого...

— Скажи маме, пусть не беспокоится. Она права, они не осмелятся. Я не приду. Иди.

Петя умоляюще смотрит на брата.

— Слав!..

— Иди.

Он не позволит брату видеть себя слабым, пусть он запомнит своего Славку со скрещенными на груди руками, таким, каким должно быть истинному революционеру. Он прошел мимо Пети, плотно прикрыл за собой дверь. Введенский стоял у окна.

— Андрей Модестович, я пошел... Скажите Степану Кузьмичу, я не нарушал ни одного его приказа, но на этот раз не могу.

И прежде чем учитель успел опомниться, Славка нырнул в заросли сирени.

Вот он и на аллее. Он дисциплинированный рево-

люционер, но революционер должен жить с чистой совестью. Бедная мама!.. Думает, что они не осмелятся. На все осмелятся! Шишмарев добрый, а ведь открыл же стрельбу, когда Славка выпрыгнул с планшетом. Война есть война. Добрым можно быть, когда это не вредит делу, которому ты служишь.

Слава прибавил шагу. Он успеет, но мало ли что может случиться. Кияшко нетерпеливый человек, а Слава не сомневался, что казнь возьмет на себя Кияшко. Петя ничего не понимает... Скучная какая сейчас сирень. Слава уже не увидит, как будущей весной запылают здесь лиловые гроздья. Надо торопиться. Он придет и скажет: «Вот он я». Не боюсь я их. Чуть-чуть, конечно, боюсь, но маму люблю сильнее. Они обязательно спросят, где планшет. Может быть, даже будут пытаться. Все равно он ничего не скажет...

Слава не заметил, как он побежал. Интересно, Быстров пожалеет его или не пожалеет? Как не пожалеть? Комсомольцев сейчас по всей волости человек десять, не больше. В такое время каждый из них дорог...

14

Быстров показывался то тут, то там, все его знали, и он всех знал. Появись у людей уверенность, что Советская власть больше не вернется, Быстрову было бы труднее скрываться, но Советская власть вернет-

ся — это все знали, и Быстрова везде пускали и прятали. Одни из уважения к нему самому, другие из уважения к должности, которую он занимал, а третьи что ж, третьи просто из-за страха перед Советской властью.

Но как бы там ни было, подвергаясь опасности быть пойманным и расстрелянным, Быстров по-прежнему чувствовал себя в волости хозяином. Всех коммунистов он объединил в отряд, их было немного, человек десять, но Быстров называл его своим боевым соединением. Отрядом Успенского волисполкома! И был это, конечно, довольно странный отряд: партизаны не партизаны, все местные жители, служащие исполкома, сельсоветчики. В общем военизированное соединение коммунистов, из которых в скором времени образуются уже более организованные отряды ЧОН, частей особого назначения.

Коммунисты из отряда, подобно Быстрову, скрывались у знакомых, у верных людей, прятались по избам, овинам и гумнам, а в теплые ночи по логам да перелескам. Но между всеми участниками отряда как бы протянулась невидимая цепочка: стоило Быстрову дать знак, как все появлялись в указанном месте без промедления.

Большого урона белым отряд не причинял, да и не мог причинить, но его мгновенные появления и исчезновения сеяли среди белых беспокойство и панику. Никто не чувствовал себя здесь уверенно.

Впрочем, отряд творил по временам суд и расправу, если кто-нибудь очень уж старательно пытался услужить белым или выдавал семьи красноармейцев и коммунистов. Естественно, Быстров был хоро-

шо осведомлен о том, что и где происходит в его во-
лости...

Сведения, добытые Славой, он переправлял скрывавшемуся под Малоархангельском Шабунину, а тот уже пересылал их в штаб тринадцатой армии. Но когда Слава сообщил о приказе, полученном командиром полка, и передал подробности разговоров, шедших в штабе, да еще сказал о карте, на которой был вычерчен маршрут, Быстров, будучи человеком военным, догадался о важности приказа и приказал Славке во что бы то ни стало выкрасть его из штаба.

Приказа в планшете не оказалось, командир полка был опытным и дисциплинированным офицером. Приказ, как это и должно было быть, находился в походном сейфе, но карта, личная карта командира, его оперативная карта, где он начертил маршрут следования полка, находилась, естественно, при нем...

Получив планшет, Быстров сразу же понял: карту следовало как нельзя быстрее переслать в штаб тринадцатой армии, пока что еще отступающей под натиском деникинцев. И Быстров принялся прикидывать, как быстрее и надежнее переслать карту, как вдруг ему донесли о решении, принятом обокраденным командиром...

На какое-то время забота о спасении Славы Ознобишина и его матери отодвинула на задний план все остальные дела.

Положение вещей ясно. Полк выступал — это стало очевидным — с вечера. Однако до того, как покинуть Успенское, решено казнить Веру Васильевну Ознобишину. На площади поставили виселицу. Быстров

не сомневался, узнай об этом Славка, он добровольно бы явился к белым. Поэтому Введенскому строго-настрого было запрещено говорить о чем-либо мальчику. Но нельзя было допустить и гибели Веры Васильевны. Ее спасение Быстров считал первоочередной задачей успенских коммунистов.

Он передал по цепи команду, и перед рассветом на кладбище собрались восемь коммунистов. Что делать? Отбить?.. Слишком уж мало людей! Но ничего другого не оставалось...

Быстров приказал подготовить пулемет, оружие и, когда Веру Васильевну поведут на казнь, открыть по карателям стрельбу. На это он выделил пятерых человек, каждому нашел свое место. Отбить Веру Васильевну он взял на себя, выбрав в помощники лихого и бесшабашного военкома Еремеева и смелого, никогда не теряющегося работника исполкома Семина. Но тут вмешался Данилочкин, рассудительный, хозяйственный мужичок, заведующий земельным отделом.

— А если снять часового, открыть амбар да увезти ее поперек седла?

— Там такие болты...

— Ключами.

— Ключи у белых.

— Никогда не поверю, чтоб у Астахова не было вторых ключей.

— А что, — согласился Быстров. — Попробую, поговорю с Астаховым.

Так и решили. Быстров пойдет в дом. Один. Тоже требуется отчаянная смелость, но это уж его дело.

Короче, Астахова он берет на себя. Остальным ждать. Зайцеву с лошадыю быть за астаховским овином.

...Небо стало сереть, когда Степан Кузьмич взобрался со стороны Поповки на забор астаховского двора, поднялся на крышу лавки, перебрался к слуховому окну, влез на чердак и прошел через сени в кухню.

— Здравствуй, тетка, — позвал он кухарку Надежду.

Та не раз видела Быстрова, обомлела, даже присела на скамейку со страху.

— Позови хозяина, — приказал Быстров. — Да тихо, чтоб никто ничего. Скажи, с коровой что-нибудь. Смотри!

Сила Быстрова заключалась еще и в том, что он умел верить людям, а Надежда была из тех простых сметливых русских баб, у которых отчаянные мужики всегда вызывали восхищение.

Она прошла в кладовую, где ночевал Павел Федорович. Он не спал, все прислушивался к тому, что происходит в штабе.

— Дело к вам, зайдите...

Надежда зря не позовет. Павел Федорович пошел за ней, открыл дверь и обомлел не меньше своей работницы.

— Здравствуйте, — сказал Быстров. — Времени у меня мало. Видите? — он достал из кармана небольшой офицерский маузер. — Понимаете?

— Понимаю, — подтвердил Павел Федорович.

— Быстренько вторые ключи от амбара.

— У меня их нет. — Павел Федорович покачал головой. — Все ключи у меня забрали.

Быстров усмехнулся.

— Так я вам и поверил.

Павел Федорович колебался лишь несколько секунд.

— Сейчас.

Быстров поиграл маузером.

— Предупреждаю, если кто войдет вместо вас, стреляю, а если пристрелят меня, не позднее сегодняшнего вечера Еремеев отправит вас вслед за мной.

— Об этом можно не говорить, — пробормотал Павел Федорович, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Последующие секунды, как потом признавался сам Быстров, показались ему часами. Но дверь открылась, и... показался все тот же Павел Федорович.

— Вот... — Он положил на стол два ключа. — От обоих замков. Все?

— Все, — подтвердил Быстров. — Мне только одно удивительно, почему вы сами не выпустили жену своего брата?

— А я в чужие дела не мешаюсь, — возразил Павел Федорович. — Жена не моя, а хозяйство мое, я им рисковать не намерен.

Быстров насмешливо взглянул на Астахова.

— Эх вы.

— Пожалуйста, — сказал Павел Федорович. — Я вас не видал и ничего не давал.

— Не волнуйтесь, — усмехнулся Быстров. — Ключи я вам скоро верну.

Он прошел через сени, рискуя встретиться с кем-нибудь из солдат или офицеров, поднялся по лестни-

це на чердак и скрылся так же незаметно, как и появился. Не успел он дойти до церкви, как возле исполкома послышался шум. Быстров свернул и дворами добрался до сторожки: сомнений не было, белые выступали из Успенского.

Осторожно постучал к хрому Григорию, тот всегда начеку, Быстров с ним все время поддерживал связь, однако самого его увидеть в эту минуту Григорий не ожидал.

— Что происходит?

— Выступают.

— А это?

Быстров указал в сторону виселицы.

— Остается ихний ротмистр и сколько-то солдат, сделают свое дело и догонят.

— Ты жди нас...

И Быстров заторопился к церкви.

* * *

Коммунисты сидели за кустами в засаде.

— Выступают на Тулу, но палаческая команда остается. Подождем немного. А как пройдут Кукуевку, Семин и Еремеев поднимут стрельбу. Где-нибудь за исполкомом. Отвлекающую стрельбу. Понятно? В бой не вступать. Зайцеву ждать меня с Маруськой на огороде Астаховых. Остальным дожждаться Зайцева и расходиться. А ежели белые начнут меня преследовать, то прикрывать...

Быстров кивнул Зайцеву и не спеша зашагал через дорогу.

Этим и брал, никогда ничего не боялся, точно

фронт в тысяче километров, а он здесь самая прочная законная власть.

Стоял за амбаром, ждал, томился, даже злиться стал, пора бы начать... И все же вздрогнул от неожиданности; едва раздались первые выстрелы. Тихо стреляют. Теперь громче, хорошо.

Кто-то протопал по галерейке. Тогда Быстров спокойно вышел из-за амбара, отомкнул один замок, отомкнул другой, откинул болты, открыл дверь.

— Товарищ Ознобишина! Выходите.

— Нет.

— Что нет?

— А Слава?

— Слава в порядке.

— Вы не обманываете меня?

Он дернул ее за руку.

— Пошли.

— Куда?

— А ну вас!

Он поволок ее за руку, она что-то говорила, он не слушал, вывел на огород, к ним тотчас же подбежал Зайцев, держа в поводу Маруську. Быстров вскочил в седло, тут же подхватил Веру Васильевну, натянул узду, чуть гикнул и галопом понесся вон из села.

15

Приказ есть приказ. Шишмарев, кадровый боевой офицер, точен в его выполнении. Полк выступает на рассвете. Выступают его батальоны. Выступает

штаб. На два часа задержится только ротмистр Кияшко со взводом охраны, приведет в исполнение приговор и нагонит штаб в Скворчем.

— Не задерживайтесь, Илья Ильич...

— Господин подполковник...

Шишмарев оглянулся. Астров и солдат из комендантской команды волокли вслед за командиром полка походный сейф. Приказ по дивизии в сохранности, формально ни к чему не придраться, но карта, оперативная трехверстка, много скажет любому работнику любого штаба, попадись она ему на глаза.

Хорошо, что Кияшко не представляет всей ценности пропажи, а то обязательно сообщил бы о ротозействе подполковника Шишмарева контрразведке.

Шишмарев остановился в сенях, у двери в кухню, постучал по двери пальцем, надо же попрощаться, поблагодарить за гостеприимство, хотя никто их в этот дом и не звал.

Из-за двери тотчас появился Павел Федорович в ситцевых полосатых подштанниках — показать, что он только что проснулся, хотя уже не раз выходил сегодня во двор.

— Чем могу служить?

— Хочу попрощаться. Желаю вам...

— И вам, господин подполковник, и вам!

Подобострастно, чтобы как-нибудь не рассердить напоследок, коснулся руки Шишмарева, искательно взглянул на Кияшко.

— Ключики бы мне от амбара...

— Я еще задержусь, — холодно сообщил Кияшко. — Разделаюсь с делами, получите.

— Да я ничего, — угодливо поддакнул Павел Федорович. — Только бы не потерять.

Шишмарев решительно зашагал прочь.

Вперед, на Новосиль, на Тулу!

Кияшко не пошел дальше провожать...

Вот он и хозяин положения. Милому мальчику — ловко он обвел вокруг пальца недалекого Шишмарева! — назначено явиться к десяти. Явится! А если...

Казнь надо провести позффектнее, иначе потеряется весь ее смысл...

Кияшко вернулся в комнату, где размещался штаб.

Мебель сдвинута в угол, на полу обрывки бумаг.

В дверь беспокойно заглянул Павел Федорович — что он тут забыл, этот проклятый ротмистр?

— Вам не нужно чего?

— Нужно. Молока, да похолоднее.

Кияшко сел на стол напротив киота, когда-то и он молился перед такими иконами, это давно прошло... Неслышно приблизилась Нюрка, внесла кринку, чашку, поставила на стол, молоко загустело, вечернего удоя. Кияшко слил в чашку отстоявшиеся сливки, выпил, еще, еще, молоко холодное, вкусное, выпил все молоко, смахнул с гимнастерки упавшие капли. Пора приниматься за дело!

— Гарбуза! Все готово?

— Так точно.

— Двух солдат ко мне, остальных построить.

Что это?..

Выстрел! Еще! Еще!..

— Гарбуза! Выяснить!

Но выяснять ничего не надо. Бежит один солдат, второй...

— Стреляют за кладбищем!

Откуда? Какой-нибудь отставший и болтающийся в тылу у белых отряд?

— Гарбуза! Кони оседланы? Боя не принимать. Я сейчас...

Кияшко не знает, кого предпочесть — Фемиду или Марса, совершить правосудие или поторопиться за полком.

Конечно, лучше поскорее удрать, но возмездие прежде всего!

— Гарбуза!

Кияшко балетной походочкой семенит к амбару.

Ключи при нем. Однако... Что это? Замки сорваны с петель. Валяются на земле. И один и другой...

Ротмистр распахивает дверь.

— Эй! Выходите!

Куда она там забилась? Кияшко вбегает в амбар...

Да где же она? Что за черт! Да где же...

Навстречу встает заспанный Федосей.

— Где... эта самая?

Федосей скребет в бороде. Он тоже мог бы покинуть амбар вслед за Верой Васильевной, но у него и в мыслях нет, что с ним может случиться что-нибудь плохое.

— Увезли.

— Кто?

— Да эти... здешние... большаки.

— Чего ты тут мелешь?

Но расспрашивать некогда.

— Гарбуза!

Гарбуза тут как тут, в сопровождении двух солдат. Кияшко указующим перстом тычет в сторону Федосея.

— Взять!

Возмездие неотвратимо, приговор должен быть приведен в исполнение, искать эту учительницу уже некогда, ее заменит этот самый Федосей, раз он тоже участвовал в большевистских кознях...

Солдаты хватают Федосея под мышки и волокут наружу. Тот не сразу понимает, куда его ведут.

— Куда ето вы меня?

— Туда!

Кияшко пальцем указывает в небо.

Вот когда доходит до Федосея смысл этого жеста!

— Да рази ет-то возможно? Без суда?

— Я здесь суд!

— Побойси бога!

— Здесь я бог...

Кияшко торопится, и солдаты торопятся.

— Вы только не медлите, ваше благородие, — потирает Гарбуза... — Не ровен час...

Но такие дела они умеют делать без промедления. Все делается быстро, точно и аккуратно.

— Ваше благородие...

Гарбуза держит за повод лошадь Кияшко.

— А тех, что стреляли, не видно?

— Говорят, залегли в канаве.

— Проскочим?

Гарбуза скалит зубы.

— Ничего, ваше благородие, проскочим!

...А Славка тем временем бежал. Бежал мимо кустов сирени, мимо берез на обочинах, мимо просветов

в листве. И вдруг он почувствовал, что задыхается, что не может больше бежать, ноги налились свинцом, еле отдирает от земли...

Он сразу понял, что это такое, не почувствовал, а понял, вполне сознательно ощутил — страх. «Я боюсь. Мне не хочется умирать. И маме не хочется. Но она согласна умереть, лишь бы я продолжал жить. А я не смогу жить, если мама умрет из-за меня. Поэтому лучше мне умереть. Хотя это очень страшно. Не видеть неба, не видеть деревьев, не видеть маму. Ничего не видеть».

Он перестал бежать и пошел шагом. Шел, раздумывая обо всем этом, не останавливаясь ни на секунду. Он даже не знает, чего стоит его смерть, ошибся Быстров или не ошибся, стоило ли рисковать жизнью или не стоило, цена карты никогда не откроется ему, через час его казнят.

Мама, конечно, не захочет, чтобы он умер, поэтому нужно сразу поговорить с Шишмаревым, вы мужчина, вы офицер, у вас тоже есть мать... А если у него нет матери? Если она только была? Тогда он ничего и не почувствует...

Вот почта! Кто-то стоит меж грядок капусты и смотрит. Почтмейстерша. Она же комическая старуха из драмкружка. Привет, Анна Васильевна!

— Славущка!

Она кричит. В ее глазах ужас. Она все знает. Он машет ей рукой. Он тоже все уже знает.

Дорожка через капустное поле. Больше уже не придется ему грызть кочерыжки!

Канава...

Вот и волисполком. Но за окнами никого. Его ни-

кто не видит. Прямо перед ним буква «П». Серое деревянное «П». Вот как это выглядит. И что-то висит...

Боже мой, да ведь это же Федосей!

Серый, растрепанный, тихий...

И рядом никого. Он перебегает площадь. Сад. Ограда. Через нее вчера прыгал Саплин. Дом. Крыльцо. Галерея. Сени. Передняя. Зала...

Никого!

Бежит на кухню. Там Павел Федорович. Петька. Нюрка. Надежда. Нет только мамы и Федосея.

Павел Федорович глядит на него.

— Прибыли? Очень приятно. Где это вы пропадали?

Он даже не издевается, он просто не знает, что сказать.

— Где мама?!

Все смотрят на Славку.

Из его горла вырывается истерический крик:

— Где мама?!

— Нет мамы, — спокойно говорит Павел Федорович.

— Петя, где мама?!

— Быстров ее спас, — захлебываясь, почти кричит Петька. — Спас и увез куда-то.

Славка чувствует полное изнеможение.

— Я пойду.

— Куда?

— На сеновал. Посплю.

— Вот и ладно, — облегченно говорит Павел Федорович. — Ночь-то небось пропрыгал, возьми тулуп, будто тебя тут и нету.

Кто-то дергал его за ногу...
— Слава! Слав... За тобой Григорий...

Это Петя!

— Какой Григорий?

— Как какой? Исполкомовский!

— А что ему?

— Быстров прислал.

Сонная истомы соскользнула, как ящерица.

— Что ж ты не говоришь?

Прыгнул вниз, опережая Петю.

— А где он?

— На кухне.

Григорий привстал, увидев Славу, тот возвысился в его глазах, со вчерашнего вечера он объявлен деникинцами государственным преступником.

— Где Степан Кузьмич?

— В волости, у них заседание...

К Быстрову Слава не то что пошел — побежал бы, полетел: где мама?!

Но лучше не выказывать нетерпения. Григорий подскакивает на култыжке и таращит усы, черные, в стрелку, Надежда правильно говорит — как у таракана...

— Чем это ты деникинцев прогневил?

— Узнали, что я комсомолец...

— Они и так знали.

Усы у Григория действительно шевелятся, как у таракана.

— А люди говорят, ты у ихнего полковника револьвер и деньги украл.

Вот тебе и на! На револьвер он согласен, а на деньги нет.

— Нет, деньги я не брал.

— А чего теряться!..

Буквы «П» уже нет перед исполкомом. Где-то в глубине щемит мысль о Федосее. Пострадал самый невинный...

— Где Быстров?

— Там же, где и всегда.

Да, в той же комнате, где он обычно сидел, Быстров и сейчас. Даже удивительно. Белые ушли вперед, значит, права их распространяются на Успенскую волость, а в здании волостного управления расположилась Советская власть и властвует себе как ни в чем не бывало.

Быстров на обычном месте, за секретарским столиком Семина, Еремеев на диване, а хромо́й Данилочкин у печки.

— Можно?

— Заходи, заходи! У нас тут заседание волостного партийного комитета. Обсуждаем вопрос, касающийся тебя...

Слава понимает, это заседание, но не выдерживает:

— Степан Кузьмич, где мама?

— В безопасном месте.

— Я хочу ее видеть.

— Увидишь. Отвезу. Решаем, кого послать с картой. Не зря прыгал в окно. Срочно нужно в штаб три-

надцатой армии. Мы советовались, решили поручить Еремееву.

— Я бы взялся, — шутит Данилочкин, — да, боюсь, не допрыгаю.

— Вот я и послал за тобой, — объяснил Быстров. — Еремеев едет на станцию, завезем тебя по дороге в Кротово, к тамошней учительке Александре Семеновне, у нее твоя мама.

...Втроем еле вместились в бедарку, и Маруська за час донесла их до Кротова.

Село отходило ко сну, лишь собаки брешут — тпру! — лошадь уже на взгорье у школы.

— Ну, беги!

А у Славы опять налились ноги свинцом, отсидел ногу, не может идти, но и не надо, он уже в самом теплом тепле, мамыны руки обняли его. Ни Александра Семеновна, ни ее гостя не знали о приезде Быстрова, но Вера Васильевна уже с час как стояла на крыльце.

— Мне все казалось...

Комнату освещала жестяная керосиновая лампочка. В светелке у Александры Семеновны, как у стародавней курсистки, и железная коечка, и беленькое одеяльце, и этажерка с книжками, а по стенам портреты — Пушкин, Толстой, Тургенев, Чернышевский, Писарев, Добролюбов и почему-то Пугачев, между Пушкиным и Толстым... Вот какая она, Александра Семеновна!

Быстров садится на койку, накрытую девственно-чистым пикейным одеялом.

— Вот и свиделись, — говорит он и матери и сыну.

— Ты тоже здесь поживешь? — спрашивает Вера Васильевна Славу. — А как Петя там...

— Работает на Астаховых, — с железным реализмом произносит Быстров. — Ничего с ним не случится.

— А Славе здесь не опасно?

— Опасность уже, можно сказать, позади, — уверенно заявляет Быстров. — Опять скоро возьмется за комсомольскую работу.

— Откуда в вас такой оптимизм? — удивляется Вера Васильевна. — Орел взят...

— Корниловцы, — объясняет Быстров. — Корниловская дивизия, лучшие офицерские части. Звери, а не люди. У нас пятьдесят тысяч штыков и больше четырехсот орудий, а у них двести орудий и сорок тысяч, но у нас мужики, а у них кадровые офицеры. Не хватает еще нам...

— Чего?

— Пролетарьяту. — Быстров указал куда-то за окно. — Вся свора сбежалась. Дворяне, домовладельцы, помещики. По Болховской улице — казачьи патрули. Достаточно указать, вот, мол, советский работник, сразу шашкой по черепу...

Он строго посмотрел на Александру Семеновну.

— Хлеб-то у вас есть?

Александра Семеновна обиделась.

— У меня и обед есть.

— Вот и собери. — Он неодобрительно поглядел на маленькую, пятилинейную лампу. — Разве в школе нет «молнии»?

— «Молния» для занятий.

— Вам передали керосин?

Слава видит, как Быстров злится.

— Как же, как же! — подтверждает Александра Семеновна. — Два бидона. Позавчера.

Быстров успокаивается.

— То-то! Не то бы Филимонову не сносить головы...

Он подробно расспрашивает о керосине. Филимонов — председатель Критовского общества потребителей. Еще несколько дней назад Быстров приказал передать весь запас керосина в школу.

— Мужички с копилками посидят, а детей обучать.

Волость в руках белых. Быстров скрывается где придется, а приказы отдает так, точно он по-прежнему председатель волисполкома.

— Ну, ложитесь спать, — внезапно говорит он. — А я, покуда темно, домчу Еремеева до станции, штаб где-то под Мценском, ему еще добираться и добираться...

* * *

Вернулся Степан Кузьмич через несколько дней, был он сразу какой-то и веселый и грустный.

— Ну, как вы здесь?

Александра Семеновна догадалась.

— Ты с новостями?

— Выбили их, Шура! — крикнул он на всю школу. — Принеси карту!

— Кого? — не сразу поняла Александра Семеновна.

— Из Орла! — крикнул Быстров. — Позавчера, после ночного боя, наши взяли Орел! — Сам полез в школьный шкаф, нашел карту Европейской России, принялся объяснять, пожалуй, не столько женщинам, сколько Славе. Он хорошо представлял, что происходило на фронте. — Белые ударной группой обрушились на тринадцатую армию, их фронт шел дугой от Воронежа до Севска, тринадцатая армия растянулась больше чем на двести верст, левый фланг ее был обращен против наступавшего на Орел противника. Но отборные офицерские части спутали все карты... — Он вдруг хитро улыбнулся, не выдержал и рассмеялся. — А наша партия спутала карты офицерам! Они рассчитывали на мужицкое сопротивление, но в бой вступил международный рабочий класс, прибалтийские рабочие-коммунисты! Эстонская дивизия и латышские части вместе с правым флангом тринадцатой армии перешли в наступление и после боя выбили белых из Орла...

Неожиданно он протянул руку и растрепал Славкины вихры.

— Но и наш труд не пропал даром, — задумчиво произнес он, вспоминая недавние события. — И карта подполковника Шишмарева очень пригодилась при наступлении... Точно тебе говорю!

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГАМ!

Дорогой друг! Сегодня гостем нашего «Клуба героев» будет писатель Лев Сергеевич Овалов, приключенческую повесть которого ты только что прочел. У нас в редакции Лев Сергеевич рассказал о своем товарище — замечательном человеке, вожаке орловских комсомольцев, Сереже Андрееве. Рассказ нам понравился, и мы предложили Льву Сергеевичу рассказать подробнее о Сергее Андрееве на страницах нашего «Клуба». Итак, предоставляем слово писателю Льву Овалову...

* * *

События, описанные в повести «Оперативная карта», происходили как раз тогда, когда секретарем Малоархангельского укома РКСМ был Сережа Андреев, — о нем я и хочу сказать несколько слов.

...К сорокалетию комсомола, отмечавшемуся в 1958 году, Орловское книжное издательство выпустило книгу, посвященную истории орловской комсомольской организации. Называется она «Орлиное племя» и составлена из статей, воспоминаний и документов, хранящихся в партийном архиве при Орловском обкоме КПСС.

В статьях, напечатанных в книге, приводятся имена первых комсомольских активистов, значится среди них и фамилия Андреев, одна лишь фамилия,

имя его не сохранилось даже в памяти тех, кто еще помнит о нем.

Имя автора этих строк называлось в статьях сборника одним из первых, а сказать по правде — одним из первых, и даже не одним из первых, а ПЕРВЫМ должен быть назван Андреев... Сережа Андреев, если память меня не подвела. Один из самых выдающихся и благородных юношей, если не самый выдающийся и благородный в плеяде первых комсомольских работников Орловщины.

О нем-то спустя полвека я и хочу рассказать. И пусть этот очерк прозвучит реквиемом в честь Сережи Андреева, комсомольского работника начала двадцатых годов, отдавшего свою жизнь за все то, что приобрели мы за пятьдесят лет существования Советской власти.

Пусть читатели не ждут от меня подробного рассказа, у меня нет под рукой ни анкеты Андреева, ни каких-либо других материалов, которые помогут мне воссоздать его биографию — да и вряд ли они сохранились, — а человеческая память ненадежный архивариус, но так как я не хочу ничего выдумывать, так как я хочу держаться лишь одной правды, я ограничусь лишь теми немногими фактами, которые сохранились в моей памяти.

РЕКВИЕМ СЕРЕЖЕ АНДРЕЕВУ

В июне 1920 года, только что принятый в партию, я принимал участие в Малоархангельской уездной партийной конференции как один из делегатов партийной организации Успенской волости, где я работал секретарем волкома РКСМ.

Сразу по окончании конференции руководителя успенских большевиков В. К. Шнырева* и меня вызвал к себе секретарь укома партии В. В. Ченцов**.

Речь шла о том, чтобы забрать меня из Успенского на работу в Малоархангельск.

— Хотим ввести твоего парня в оргбюро уездной комсомольской организации, — сказал Ченцов, поглядывая то на Шнырева, то на меня. — Как, подойдет?

Шнырев возражал:

— Мы его вырастили, пусть и дальше у нас растет...

Но судьба моя, видимо, была решена еще до нашего появления в кабинете секретаря укома. Ченцов внезапно обернулся к высокому голубоглазому юноше, рассматривавшему на стене карту Малоархангельского уезда.

— А твое мнение? — спросил его Ченцов.

Только тут я обратил внимание на незнакомого юношу, на конференции я его как-то не приметил, но зато он, видимо, все уже знал обо мне.

— Заберем, — коротко сказал он.

И тут я понял, что судьбу мою решил не Ченцов, а именно

---

* В 1920 году председатель Успенского волисполкома; спустя несколько лет зверски убит кулаками.

** В 1920 году секретарь Малоархангельского укома РКП(б); в настоящее время работает главным врачом одной из подмосковных больниц.

этот молчаливый юноша, протягивающий мне в этот момент свою руку.

— Андреев, — назвался он. — Предоргбюро...

И повлек меня наверх, на антресоли купеческого особняка, где помещалось уездное оргбюро РКСМ.

Работая в оргбюро, я все ближе знакомился с Андреевым.

Крестьяне Орловской губернии часто уходили на заработки в Донбасс, и семья Андреевых еще в начале века переехала из-под Малоархангельска не то в Юзовку, не то в Горловку; отец Андреева работал на одном из металлургических заводов, там Сергей и родился и учился, а после революции вернулся вместе с родителями в деревню.

В деревне он и вступил, вернее, не вступил, а сам организовал одну из первых комсомольских ячеек в Орловской губернии и вскоре стал признанным вожаком уездной комсомольской организации.

Время было суровое, и именно под руководством Андреева молодежь по всему уезду поднималась на борьбу за хлеб и за культуру.

Часто выезжал Андреев в деревню и по партийным делам, выполняя ответственные поручения укомпарта.

Товарищем он всегда был превосходным, я не говорю уж о том, что его паек сразу по получении становился нашим общим достоянием, но вообще не было такой беды, которую бы он не принял близко к своему сердцу...

В августе мы с Андреевым собрались в Орел на пленум губкома.

По дороге, в поезде, Андреев поделился со мной мечтой побывать осенью на III съезде РКСМ; с непоколебимой уверенностью он предсказывал, что перед участниками съезда обязательно выступит Ленин...

На пленуме Андреев говорил кратко, но содержательно.

Оказывается, его знали во всей губернии, он был среди нас самым деловитым и требовательным и по отношению к другим и по отношению к самому себе. Докладывал он о положении в уезде без лишних слов, без хвастовства, как-то очень и очень по-деловому: то-то сделано, то-то надо сделать, нужна такая-то помощь...

Наутро нас ждала неожиданность. Секретаря губкома Колю Кондрашова* срочно вызвали в губкомпарт, а через час он уже выступал перед нами:

— Внеочередное сообщение: получена телеграмма — Крымскому фронту требуется пополнение коммунистами, в том числе коммунистами-комсомольцами. Нам надо выделить десять человек. Решено не объявлять мобилизации, предложить записываться добровольно. Поэтому я обращаюсь к вам...

— А когда ехать? — спросил кто-то.

— Сегодня, — сказал Кондрашов. — Вечером пойдет специальный вагон с орловскими коммунистами.

На минуту воцарилось молчание, все почувствовали приближение грозы.

Первым нарушил молчание Андреев:

— Запишите меня...

Я ринулся вслед за ним, но тем, кому было меньше шестнадцати лет, дорога на фронт была заказана, об этом категорично говорилось в специальном постановлении ЦК РКСМ.

В тот же вечер Андреев уехал на фронт...

Мое знакомство с ним длилось менее трех месяцев, но вряд ли кто в те годы оказал на меня большее влияние, чем этот талантливый человек.

В сентябре 1920 года орловские комсомольцы выбирали де-

---

* В 1920 году секретарь Орловского губкома РКСМ; погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

легатов на свой III съезд, и получилось так, что в Москву пришлось поехать автору этих строк.

Почему-то я очень надеялся встретиться на съезде с Андреевым. Я искал его по всем дортуарам бывшей Духовной семинарии, ставшей ныне 3-м Домом Советов, в нем были размещены делегаты съезда.

Увы! Андреева среди них не было...

В тот же самый день, 2 октября 1920 года, когда Ленин произнес на III съезде РКСМ свою знаменитую речь о «Задачах союзов молодежи», он выступал и на съезде рабочих и служащих кожевенного производства. В этом своем выступлении, говоря о Пилсудском на севере и Врангеле на востоке, Ленин сообщил, что Врангель «взял Мариуполь, подходит к Таганрогу, угрожает Донецкому бассейну», и сказал, что необходимо «сделать так, чтобы предстоящее наступление на Врангеля, для которого мы готовим все силы, было бы произведено возможно более успешно и быстро»...

Эту речь я прочел еще в Москве, ее текст «Правда» опубликовала 8 и 9 октября, но я еще не знал, что именно в бою за Мариуполь, сдерживая натиск врангелевцев, погиб Сережа Андреев.

Лишь годом позже мне пришлось встретиться с двумя участниками боев за Мариуполь, причем один из них, как оказалось, находился в составе того самого взвода, которым непосредственно командовал Андреев, и, уже основываясь на их рассказах, можно сказать, рассказах очевидцев, я смог представить себе последний день жизни Сережи Андреева.

* * *

Накануне того дня, когда наши части оставили Мариуполь, взвод Андреева расположился на ночлег во дворе одного из домов на городской набережной. Потому что даже на фронте,

даже в самом отчаянном положении иногда приходится спать. Противник наступает на Мариуполь, участь Мариуполя предрешена. Но каждый час сопротивления выматывает противника.

Перед тем Андреева вызвал командир полка.

— Вот что, Андреев, — сказал он в это последнее их свидание. — Враг теснит, Мариуполь будет завтра оставлен. Наш полк находится в арьергарде. Тактика уличного боя мало изучена, поэтому придется полагаться на собственную инициативу. Вам я поручаю порт. Нельзя допустить захвата нефти. В темноте вы только потеряете время на ориентировку. Дайте бойцам отдохнуть, выступайте перед рассветом. Проникните в порт, а там — глядя по обстоятельствам. С моря вас будут поддерживать канонерки...

Никаких канонерок, конечно, не могло быть. Это знали и Андреев и командир полка. Но так было сказано в штабе бригады, и командир полка обязан был это повторить.

— Действуйте, — сказал командир полка.

— Разрешите идти? — спросил Андреев.

— Да, идите...

Больше они не встретятся.

Андреев вернулся во взвод, выставил караул.

— Спать, ребята, спать. Квартир не искать, не расходиться. Здесь, в сарае...

Он бросил шинель у самых дверей, двери как ворота, а от земли пахнет сеном.

— Спать, спать, — настойчиво повторил Андреев, лег на бок и вдруг мечтательно сказал: — А в Москве собрались на съезд...

— Что? — спросил кто-то.

— Собрались, говорю, на съезд. Завтра открывается съезд комсомола.

Больше он не стал разговаривать, надо поспать и ему. Воз-

можно, на мгновение в его памяти мелькнул Малоархангельск, чьи-то знакомые лица, может быть, даже мое...

Ранним утром они уже стояли на набережной, Андреев и его взвод, по прибытии на фронт его назначили политруком взвода, позавчера командира взвода убили, и теперь Андреев был и политрук и командир, теперь это был совершенно его взвод.

Они стояли на набережной и смотрели из-за пакгауза — и туда и сюда, потому что приходилось смотреть и туда и сюда, но больше на цистерну, на громадную цистерну, наполненную первосортной нефтью, привезенной в Мариуполь из Баку.

Врангелевцы наступали на Мариуполь, правильнее, они уже вступили в Мариуполь. Они уже заполнили город, борьба еще шла за вокзал, за порт, за телеграф. Отдельные роты и взводы продолжали борьбу, хотя Мариуполь был взят.

Андрееву приказали не отдавать врагу ни одной цистерны. Ни одной цистерны с нефтью! Пустые — пожалуйста, пусть берут...

Еще до того, как белогвардейцы ступили на набережную, ребята из взвода Андреева пробили в двух цистернах отверстия, и нефть из них жирной струей стекла в море. Но с третьей цистерной расправиться не удалось. Врангелевцы вошли в порт и обстреляли из английских карабинов все, что походило на людей.

Андреев со своими ребятами укрылся у самого берега за россыпью пустых бочек.

Пули постукивали о днища, точно камешки.

Тук... Тук... Тук-тук...

Андреев все посматривал на цистерну. Ему до нее ближе, чем врангелевцам.

— Ребята, рванем?!

Пули все постукивали. Не так чтобы часто, но постукивали.

— Рванем?!

Бочки пустые, сухие, просмоленные. Один из бойцов посмотрел на политрука. Вопросительно. И политрук понял. Утвердительно кивнул в ответ. Набрали щепок, паклю. Все делалось в считанные секунды. Запалили спичку. Еще. Поддули...

Бочки загорались медленно, дымно, но так, что уж не потушить.

Андреев побежал к цистерне.

— Скорее!

Он не смотрел, бежит ли кто за ним.

За ним следовал весь взвод.

Добежал, оглянулся. Никто ни о чем не сговаривался. Бойцы бежали с винтовками. Только у двух или трех в руках пылающие доски. Сговариваться нет времени.

Андреев стал, уперся головой о стенку цистерны. Кто-то вскарабкался ему на плечи. И еще кто-то... Ни дать ни взять партерные акробаты!

— Осторожно! Не бросайте доски, не топите! Кладите по верх, тогда загорится!

Поплыли кораблики, закачались...

— Бежим!

Теперь уже не уйти от врангелевцев. Уже видно их.

— К берегу!

Побежали...

Далеко ли убежишь по песку!

Фьюиты!.. Закачало цистерну! Нет, не взорвалось... Черный столб метнулся вверх и повис в небе.

— Ребята, рассыпайся цепью...

Взвод уже у самой воды.

— Цепью!..

Кого-то уже нет...

Бойцы хорошо видны на берегу.

Позади огонь, впереди Азовское море...

Тут каждый обороняется как сможет, каждый сам по себе.

Из-за пакаузов показались всадники. Казаки. С саблями наголо. На мгновение скрылись и вот уже на берегу...

Скачут!

Друг ты мой единственный... Сережа! Сережа Андреев! Не видать тебе больше белого света! Не читать тебе больше книг, не произносить речей...

Обернулся, припал на одно колено, вскинул винтовку, прицелился...

По наступающему врагу!

Вот одного не стало. Кувыркнулся, гад...

И все. Сабля легко врезалась в плечо. Упал. Запрокинулась голова...

Спешились два казака.

— Кажись, дышит?

— В море его, пусть напьется...

Ты еще дышишь, Сережа, а тебя тащат к самой воде, и тебе даже легко становится на мгновение, и вот ты уже в воде, легкая волна покрывает твою умную, твою добрую голову, играет над тобой волна, убегает и набегают...

Вечный тебе покой, вечная тебе память!

С той поры прошло сорок семь лет... Полвека! Полвека, как перестало биться сердце Сережи Андреева...

Вот представляю я его себе, и его образ неуловимо тает в дымке времени...

Ты... Ты был первым секретарем укома, когда я вступал в комсомол, ты расчищал нам путь к будущему, и тебя давно уже нет, и твоя фамилия выцвела на старых комсомольских документах, и все-таки ты встаешь иногда передо мной, живой и близкий...